

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ»)

ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ
КАФЕДРА АНГЛИЙСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

**Особенности функционирования кулинарного дискурса в рамках
художественного дискурса**

**Выпускная квалификационная работа по направлению
44.03.05 Педагогическое образование
(с двумя профилями подготовки)**

**Направленность программы бакалавриата
«Английский язык. Иностранный язык»
Форма обучения очная**

Проверка на объем заимствований
82,47 % авторского текста
Работа рекомендована к защите
«15» июня 2023 г.
зав. кафедрой английской
филологии Афанасьева О. Ю.

Выполнила:
Студентка группы ОФ-503-092/5-2
Сатонина Анастасия Владимировна

Научный руководитель:
кандидат филологических наук, доцент
Курочкина Мария Анатольевна

Челябинск
2023

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	8
1.1 Понятие дискурса в лингвистике	8
1.2 Разновидности дискурса по В.И. Карасику.....	15
1.3 Лингвистические исследования художественного дискурса	20
1.4 Ключевые аспекты исследования кулинарного дискурса	27
1.5 Модели анализа дискурса	34
Выводы по первой главе.....	37
ГЛАВА 2. ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ КУЛИНАРНОГО ДИСКУРСА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ.....	40
2.1 Лексико-семантическое поле «Еда» в художественном дискурсе XIX и XXI веков	40
2.2 Анализ стилистических приемов и средств с участием элементов кулинарного дискурса в художественном дискурсе XIX и XXI веков ...	52
2.3 Функции кулинарного дискурса в художественном дискурсе	59
2.4 Разработка комплекса упражнений для использования в рамках обучения иностранному языку в старшей школе на основе научного исследования	82
Выводы по второй главе.....	95
Заключение	99
Список использованных источников	101

ВВЕДЕНИЕ

Изучение художественного дискурса на сегодняшний день является таким же активно разрабатываемым направлением, как и исследования дискурса в целом. Через произведения художественной литературы можно узнать о культуре, истории и быте других стран. Необходимо отметить, что художественный дискурс способен взаимодействовать с другими институциональными дискурсами. Анализ смешения дискурсов представляет особый интерес для ученых-лингвистов и литературоведов.

Одним из новых видов дискурса, попавших в поле зрения лингвистов-дискурсологов, является кулинарный дискурс, который еще не в полной мере выделяется специалистами и, соответственно, нуждается в описании. Однако уже сейчас можно сказать, что присутствие данного дискурса можно проследить в художественной литературе.

Кулинария – близкая каждому тема, поэтому она находит отклик у множества читателей. Каждая эпоха проявляется своими кулинарными предпочтениями, герои встречаются и взаимодействуют в процессе приема пищи. У каждого из персонажей своя манера и свой вкус в еде. Отношение к еде также меняется от произведения к произведению.

В связи с вышесказанным актуальность настоящей работы обуславливается необходимостью описания кулинарного дискурса как самостоятельного вида дискурса и описания его взаимодействия с уже выделенным художественным дискурсом.

Цель исследования заключается в выявлении лингвостилистических особенностей функционирования кулинарного дискурса в рамках художественного дискурса.

Объектом выступает кулинарный дискурс, предметом – лингвистические и стилистические особенности его функционирования в рамках художественного дискурса.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) изучить существующие понятия термина «дискурс», «художественный дискурс», «кулинарный дискурс»;
- 2) рассмотреть модели анализа кулинарного дискурса;
- 3) проанализировать произведения художественной литературы XIX и XXI веков на наличие лексики кулинарного дискурса;
- 4) провести классификацию лексики кулинарного дискурса из изучаемых произведений литературы по критерию частеречной принадлежности и лексико-семантических полей;
- 5) определить стилистические приемы и средства, в которых участвует лексика кулинарного дискурса с целью определить ее экспрессивный потенциал;
- 6) описать функции кулинарного дискурса в художественном дискурсе;
- 7) на основе анализа практического материала составить комплекс упражнений в качестве дополнительного материала к теме «Food & Health» УМК О.В. Афанасьевой, И. В. Михеевой для 10 класса для его применения в рамках обучения иностранному языку.

Теоретической базой исследования послужили труды зарубежных ученых в сфере дискурса, таких как Э. Бенвенист, Э. Бюиссанс, Ф. де Соссюр, Т.А. ван Дейка и др., и отечественных лингвистов, таких как В.И. Карасик, А.А. Кибрик, Р.О. Якобсон и др., Работы лингвистов, В.А. Масловой, Н.Д. Арутюновой, Е.С. Кубряковой, З. Харриса, Л. А. Манерко в сфере художественного дискурса, а также труды лингвистов А.В. Олянича, А.Ю. Земсковой, Н.П. Головницкой, П.П. Бурковой в сфере кулинарного дискурса.

Специфика поставленных цели и задач обусловила использование следующих методов: аналитический метод, метод научного описания и

ретроспективный анализ, метод сплошной выборки, метод контекстного анализа, компонентный анализ, анализ словарных дефиниций.

Материалом исследования послужили классические произведения художественной литературы, такие как «Oliver Twist» объемом 544 страницы и «Great Expectations» Чарльза Диккенса объемом 544 страницы, а также современные – «The Sea House» Эстер Фройд объемом 288 страниц и «Me Before You» Джоджо Мойес объемом 480 страниц.

Теоретическая значимость исследования определяется внесением вклада в отечественную дискуртологию.

Практическая значимость определяется возможностью использования результатов исследования в педагогической практике: на семинарских занятиях по литературе Великобритании, в рамках практических занятий по английскому языку в старших классах общеобразовательной школы и на факультетах иностранных языков.

На защиту выносятся следующие положения:

1. ЛСП «Еда» в англоязычном художественном дискурсе XIX и XXI веков основано на преобладающем классе существительных, представляющих названия ингредиентов для блюд, наименования блюд, меру, названия кухонных принадлежностей и атрибутов сервировки. Элементы кулинарного дискурса в художественном дискурсе XIX века маркированы использованием количественных существительных, обозначающих меру, тогда как в художественном дискурсе XXI века наблюдается тенденция к использованию существительных, обозначающих названия блюд и ингредиентов. Это обусловлено более четкими социальными границами, в обозначении которых участвовали элементы кулинарного дискурса в прошлом. В настоящем богатство ЛСП «Еда» объясняется повышенным интересом людей к экспериментам в кулинарии в связи с более широкой доступностью различных продуктов.

2. В подавляющем числе случаев кулинарная лексика в художественном дискурсе XIX века участвует в стилистических приемах

метафоры и эпитета, так как авторы уделяли больше внимания красочным и содержательным описаниям. В то время как в литературе XXI века преобладающими стилистическими приемами с участием кулинарной лексики будут метафоры и сравнения, так как они позволяют более эффективно и компактно передать яркие образы.

3. Кулинарный дискурс имеет различные функции в художественном дискурсе, в зависимости от контекста. Он может служить для формирования атмосферы, раскрытия персонажей, создания духа эпохи, передачи скрытых смыслов с помощью символизма, выполнять экзистенциальную и социальную функции.

4. В художественном дискурсе кулинарный дискурс может быть использован как средство социальной коммуникации, позволяющее автору передать определенные социальные нормы и ценности, помогая лучше понять культурные особенности и традиции различных стран и народов, а также их отношение к пище и ее приготовлению.

5. Разработанная на основе анализа практического материала система развивает навыки чтения, говорения, а также формирует социокультурные навыки.

Работа состоит из введения, двух глав, выводов по главам, методической части, заключения и списка использованной литературы.

В первой главе рассматриваются понятие дискурса и его основные виды, разновидности дискурса по В.И. Карасику, особенности художественного дискурса, специфика кулинарного дискурса и модели анализа дискурса.

Во второй главе проводится анализ примеров кулинарного дискурса в рамках художественного дискурса и приведение статистических данных; рассматриваются особенности кулинарного дискурса в художественном дискурсе; выделяются наиболее обширные группы лексических единиц и стилистических приемов и средств, основанных на элементах кулинарного

дискурса, а также ряд функций, который выполняет кулинарный дискурс в художественном дискурсе.

На основе проведенного анализа, формируется комплекс упражнений, основанный на материале изучаемых в работе литературных произведений XIX и XXI веков, содержащих элементы кулинарного дискурса. Целью данного методического комплекса является развитие навыков чтения, анализа, формирование лексических и социокультурных навыков у учеников 10 класса.

В заключении делается вывод о проведенной работе.

Список литературы состоит из 56 источников, которые включают научные исследования в сфере дискурса, художественного дискурса и кулинарного дискурса. Также туда вошли анализируемые в работе литературные произведения.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Понятие дискурса в лингвистике

Дискурсивные исследования сегодня представляют наиболее актуальную отрасль лингвистики. Однако само определение понятия «дискурс» вызывает затруднения, поскольку этим термином оперируют не только лингвисты, но также социологи, философы, политологи, психологи, антропологи и т.д. Использование одного и того же термина в различных областях знания порождает его многозначность, обилие трактовок и подходов к определению понятия. На данный момент не существует одного общего и четкого определения дискурса, которое отражало бы все случаи его использования.

Термин «дискурс» пришел в русский язык из французского и имеет следующий описательный перевод «разглагольствовать по поводу предмета, говорить речь» [13, с. 126]. С начала 60-х годов XX века термин «дискурс» стал приобретать философское значение, что повлекло изменения в семантике понятия. Тем не менее, исходного значения оно не утратило, и на его основе началось другое семантическое варьирование, появились и другие значения, что привело к расширению объема данного понятия.

В связи с этим, мы считаем, что для того, чтобы определить, какое значение термина «дискурс» необходимо будет использовать в рамках нашего исследования, необходимо изучить историю его употребления, составить ряд контекстов и описать возможности функционирования спектра значений этого слова.

Стоит отметить, что впервые термин «дискурс» был использован непосредственно в названии статьи американского лингвиста З. Харриса «Дискурс-анализ» [50] и уже затем стал активно использоваться в лингвистике. Необходимость использования термина «дискурс» в лингвистике была обусловлена стремлением ученых развить и актуализировать сформулированное Ф. де Соссюром противопоставление

языка и речи [37]. А. А. Кибрик и П.Б. Паршин отмечают, что дискурс в Соссюровском противопоставлении стал тем членом, который является «более речевым, нежели сама речь, и одновременно – в большей степени поддающимся изучению с помощью традиционных лингвистических методов, более формальным и тем самым «более языковым» [25]. То есть под дискурсом стала пониматься речь в рамках конкретной коммуникативной ситуации.

Существует несколько подходов к определению дискурса непосредственно в лингвистике. В рамках структурно-текстового (или формального) подхода соотносятся понятия «текст» и «дискурс», текст определяется как важная составляющая часть дискурса. В рамках формального подхода язык изучается как «замкнутая система», без учета его коммуникативной функции. На ранних этапах исследователи, руководствовавшиеся формальным подходом (Н. Хомский, Л. Теньер и др.), разработали строгие формальные методы анализа, такие как дистрибутивный, оппозиционный методы. Большинство формально-структурных лингвистических школ сосредоточены на анализе функций одних элементов языка и «дискурса» по отношению к другим, при этом практически исключены из рассмотрения функции этих элементов и влияние на них внешнего контекста. Так, Н. Хомский полагает, что язык должен рассматриваться как некий массив данных, которому нужно «придать организованную форму», то есть описать и систематизировать [43].

Второй подход, функциональный, определяет дискурс как «всякое употребление языка». В функционализме язык понимается как система знаков, которые служат для достижения конкретных целей и выполнения конкретных функций (отсюда и название подхода). Функциональный подход учитывает влияние употребления языка на особенности его структуры. В случае этического подхода к этому контексту анализ идет при выделении функций (например, по Р.О. Якобсону [45, с. 197] и соотнесении форм дискурса (высказываний) с той или иной функцией. Безусловно важен

для функциональных исследований разработанный А. Мартине принцип экономии как важнейший фактор исторического развития языка. В соответствии этим принципом изменения языка – это некий компромисс между потребностью в коммуникации и желанием человека минимизировать усилия, прилагаемые к речевому акту [29]. В функциональных исследованиях есть тенденция к противопоставлению дискурса и текста по ряду критериев: «функциональность–структурность», «процесс– результат/продукт», «динамичность–статичность» и «актуальность–виртуальность». Таким образом, понятие текста соотносится с понятием структурности, а дискурса – с понятием функциональности [31, с. 107].

Третий подход подчеркивает взаимодействие формы и функции: «дискурс как высказывания». Это определение подразумевает, что дискурс является не примитивным набором изолированных единиц языковой структуры «больше предложения», а целостной совокупностью функционально организованных, контекстуализованных единиц употребления языка. Д. Шиффрин трактует текст как абстрактный теоретический конструкт, который реализуется в дискурсе, также как предложение актуализуется в высказывании, что теоретически связывает теорию с функцией [54, с. 205].

Здесь необходимо также описать исследования дискурса, связанные с уточнением понятия «стиль», взятое в значении индивидуального стиля какого-либо человека, социальной группы или института, например, «стиль Достоевского», «язык Пушкина», «язык большевизма», «английский газетный дискурс», «русский политический дискурс» и т.д. В подобных исследованиях термин «дискурс» описывается как способ говорения и обязательно имеет атрибутивный элемент в своей структуре, т.е. это всегда «какой дискурс» или «чей дискурс», «какие дискурсивные практики» или «чьи дискурсивные практики» [56]. Исследования, проведенные в этом направлении, направлены не на дискурс в общем, а на его конкретные

разновидности, определенные широким набором параметров, например, языковыми отличительными чертами («язык Пушкина», «язык большевизма»), стилистической спецификой («стиль Достоевского», «английский газетный дискурс»), спецификой тематики («русский политический дискурс») (А. Греймас, М. Фуко, М. Пеше и др).

Анализ дискурса иногда определяется как анализ языка «вне предложения» [50, с. 16], что составляет противоположность тем типам анализа, которые более типичны для исследований, направленных на изучение фонетики и фонологии, морфологии, семантики и синтаксиса. Ученые, занимающиеся дискурсивными исследованиями, изучают большие фрагменты языка по мере их объединения. Некоторые лингвисты, работающие над анализом различных дискурсов, рассматривают влияние общего дискурсивного контекста на значение отдельно взятого предложения, т.е. два предложения, взятые вместе в качестве единого дискурса, могут иметь значения, отличные от каждого, взятого отдельно предложения.

М. Фуко, несмотря на наличие труда «Археология знания», который наиболее близок к описанию механизмов анализа дискурса, не был основоположником методологии дискурс-анализа в полном смысле этого слова [41]. М. Фуко стремился определить условия и основания формирования, распространения, фиксирования и распада системы знания, таким условием он видел дискурс. М. Фуко пишет, что дискурс и дискурсивная формация поддерживают условия для определенного «режима» производства знания, а также позволяют использовать одни способы размышления и исключают другие. Т.е. дискурс определяет, кто может говорить, когда и с каким авторитетом, а кто не имеет таких прав. Анализ дискурса по М. Фуко позволяет ответить на такие вопросы: «в соответствии с какими правилами возможны те или иные высказывания?», «в соответствии с какими правилами упорядочиваются эти высказывания?», «в соответствии с какими правилами мы определяем высказывания как

истинные или ложные?», «какие правила применяются для конструирования картин мира или классификационных систем?» [41, с. 71].

М. Пеше, развивая идеи М. Фуко, сфокусировался на разрешении проблем границ дискурса и моделировал механизмы социокультурной детерминации дискурсивных практик. В основе разработанной М. Пеше методологии, которую он описал в работе «Автоматический анализ дискурса», стоит вопрос: «Каковы социокультурные границы дискурсивных практик и форм?» [52, с.15].

В качестве таких границ М. Пеше видит субъекта и идеологию дискурса. В отличие от фукианского подхода, М. Пеше видит субъекта как необходимое условие реализации дискурса, а дискурсивные практики задаются определенной идеологической формацией. М. Пеше преодолевает чрезмерный объективизм фукианской концепции, выстраивая детерминационную схему «идеология – дискурс – субъект», согласно которой субъект подчинен идеологии, не подозревает о зависимости своих речемыслительных практик от дискурса и неизбежно становится полем реализации этих двух структур [52, с. 59–60].

В отличие от анализа дискурса М. Фуко, главной целью которого было выявление историко-социальных условий, порождающих возможность тех или иных высказываний, анализ дискурса у М. Пеше направлен на выявление конкретных экономически-идеологических мотивов реализации власти через дискурсивные практики, что делает его методологию более прозрачной, нежели у М. Фуко. Концепция М. Пеше стала основной процедурой дискурсивных аналитик (Р. Водак, Т. ван Дейк, и др.).

Понятие дискурса в лингвистике, таким образом, близко по смыслу к таким понятиям, как «речь» и «текст», однако включает в себя и некоторый социально-культурный контекст порождения речи/текста. Дискурс являет собой и процесс коммуникации между людьми, обусловленный их принадлежностью к определенной социальной группе и господствующей в

обществе идеологией, а также статичный «результат» коммуникации, зафиксированный в виде текста.

Ван Дейк предлагает различать два определения дискурса. В широком смысле дискурс есть комплексное коммуникативное событие, происходящее между говорящим и слушающим (наблюдателем), в определенном временном, пространственном и прочем контексте. Коммуникативное действие может быть речевым, письменным, а также иметь вербальные и невербальные составляющие (например, разговор с другом, диалог между пассажирами транспорта, чтение газеты). Данное определение является основным в настоящей работе.

В узком смысле дискурс есть текст устный или письменный с учетом присутствия только одной вербальной составляющей. С этих позиций термин дискурса обозначает завершенный или продолжающийся продукт коммуникативного действия, его письменный или устный результат, который интерпретируется реципиентами (например, вербальный продукт письменный или устный коммуникативного действия). Согласно концепции Т. А. ван Дейка, рассмотрение принципов функционирования языка в обществе ведется не только с точки зрения прагматических подходов к дискурсу, но также с учетом определенных социальных факторов (мнения и установки говорящих, их социальный и этнический статус и т. д.); определенным образом акцентируются личностные характеристики носителей языка с их намерениями, чувствами, эмоциями [12].

Борботько Д.А. определяет дискурс – как «текст, но такой, который состоит из коммуникативных единиц языка – предложений и их объединений в более крупные единства, находящиеся в непрерывной внутренней смысловой связи, что позволяет воспринимать его как цельное образование». Дискурсами можно считать, например, текст рассказа, статьи, выступления, стихотворения» [7].

Слышкин Г.Г. определяет «дискурс, произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения или независимой части

предложения». [36] Часто, но не всегда, концентрируется вокруг некоторого опорного концепта, создает общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т.п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который "строится" по ходу развертывания дискурса, – это точка зрения «этнографии речи». Исходная структура для дискурса имеет вид последовательности элементарных пропозиций, связанных между собой логическими отношениями конъюнкции, дизъюнкции и т.п.

Дискурс, по мнению Е.С. Кубряковой, – это «такая форма использования языка в реальном времени, которая отражает определенный тип социальной активности человека, создается в целях конструирования особого мира (или его образа) с помощью его детального языкового описания и является в целом частью прогресса коммуникации между людьми, характеризуемого участниками коммуникации, условиями его осуществления и ее целями» [26].

Тенденции развития современного дискурса определяются социально-политическими, экономическими и культурно-историческими характеристиками жизни общества, с одной стороны, и техническим развитием средств дистантного общения, с другой стороны. Одной из возможных моделей характеристик таких тенденций может быть описание субъектных, семиотических (текстовых), хронотопических и организационных особенностей развития современного дискурса. В качестве субъектных характеристик, определяющих коммуникативное поведение носителей культуры, выделяются экспансия демонстративности, ювенилизация общения, фикционализация информации, коммуникативное перенасыщение и утрата иммунитета к нежелательной коммуникации. Семиотические характеристики дискурса определяют специфику текстов, используемых в сегодняшней коммуникации, к этим характеристикам можно отнести существенное увеличение мультимедийного контента в

письменном тексте в разных типах дискурса, вульгаризацию речи, диффузию устной и письменной речи в электронной коммуникации. Хронотопические характеристики современного дискурса выражаются в коммуникативном сжатии мира, в возросшем темпе жизни и репликовости коммуникации, в новой организации жилого пространства, в котором электронные средства связи становятся необходимым условием нормального существования граждан. Организационные особенности современной коммуникативной практики состоят в размывании институциональности применительно к медийному и сетевому дискурсу, а именно - распространению гибридных интердискурсивных образований и слиянию личностного и институционального общения, в размывании границ приватности и публичности и возникновении новых ритуалов, которые по своей сути носят жестовый либо клиповый характер.

1.2. Разновидности дискурса по В.И. Карасику

Считаем необходимым отметить, что на данный момент представляется невозможным составить единый всеобъемлющий список видов институционального дискурса. В процессе изучения дискурса, как и любого другого естественного феномена, встаёт вопрос о классификации и типологизации.

В своей работе В. И. Карасик выделяет следующие виды дискурса:

1. Социолингвистические типы дискурса:

1.1. Институциональный дискурс:

- педагогический дискурс,
- медицинский дискурс,
- научный дискурс,
- политический дискурс,
- религиозный дискурс.

1.2. Бытийный дискурс.

2. Прагмалингвистические типы дискурса:

2.1. Юмористический дискурс.

2.2. Ритуальный дискурс.

Социолингвистический подход к исследованию дискурса предполагает анализ участников общения как представителей той или иной социальной группы и анализ обстоятельств общения в широком социокультурном контексте. С точки зрения социолингвистики В.И. Карасик предлагает выделять два основных типа дискурса: личностно-ориентированный и статусно-ориентированный [20].

Личностно-ориентированный дискурс подразделяется еще на два подвида: бытовой и бытийный дискурс. Бытовой дискурс обычно протекает в форме диалога, участники которого хорошо знакомы друг с другом, что способствует сокращению дистанции и пониманию говорящего с полуслова. Зачастую в процессе общения нарушается логическая и структурная оформленность высказывания, может наблюдаться употребление сниженной лексики. Такое общение подразумевает использование невербальных средств общения, таких как, например, мимика и жесты, также может наблюдаться субституция речевых единиц, зачастую местоимениями и междометиями. Бытийный дискурс носит более развернутый характер, включая в себя все формы речи на основе литературного языка. «Бытийное общение носит преимущественно монологический характер и представлено произведениями художественной литературы и философскими и психологическими интроспективными текстами».

В случае статусно-ориентированного, в частности институционального, дискурса человек выступает в качестве представителя определенного социального института, и общение осуществляется в рамках статусно-ролевых отношений. По мнению В.И. Карасика, институциональный дискурс «есть специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга,

но должны общаться в соответствии с нормами данного социума» [21, с. 233].

В.И. Карасик выделяет следующие конститутивные признаки дискурса: участники, хронотоп, цели, ценности, стратегии, способ общения материал, разновидности и жанры, прецедентные тексты, дискурсивные формулы.

«В художественном тексте всегда есть некий зазор для свободной мысли читателя, в этом плане художественный текст диалогичен не только потому, что предполагает сотворчество читателя. Такая взаимная направленность креативных смыслов автора и адресата дает полное основание говорить о художественном дискурсе» [21, с. 244].

В основе прагмалингвистической классификации дискурса лежит признак коммуникативной тональности. «Под коммуникативной тональностью мы понимаем эмоционально-стилевой формат общения, возникающий в процессе взаимовлияния коммуникантов и определяющий их меняющиеся установки и выбор всех средств общения». По мнению В.И. Карасика, посредством такого, по сути, прагмалингвистического подхода, можно сделать вывод о коммуникативной тональности, лежащей в основе того или иного дискурса. Типология дискурса, выделяемого на основе прагмалингвистического критерия, может базироваться на разных основаниях, ведущими из которых являются следующие:

- 1) одноплановость / многоплановость смыслов,
- 2) заданность / открытость реакций,
- 3) серьезность / несерьезность общения,
- 4) кооперативность / конфликтность общения,
- 5) приоритет содержания / формы общения, конкретность / отвлеченность тематики.

Соответственно, на основе вышеназванных критериев В.И. Карасик выделяет следующие типы дискурса: одномерный/многомерный, сценарный / несценарный, серьезный / юмористический, этикетный /

агональный, информативный / фасциатный, перформативный / аргументативный.

Модель дискурса была разработана В.И. Карасиком и включает в себя следующие компоненты:

- 1) участники,
- 2) хронотоп,
- 3) цели,
- 4) ценности,
- 5) стратегии,
- 6) тематика,
- 7) разновидности и жанры,
- 8) прецедентные тексты,
- 9) дискурсивные формулы [20].

Анализ кулинарного дискурса по данному плану поможет выявить и систематизировать его основные признаки и, следовательно, составить достаточно полную характеристику дискурса.

К основным формулам кулинарного дискурса можно отнести ситуации кулинарного общения (помощь официанта в выборе блюд, оформление заказа посетителем заведения, жалоба потребителя на качество пищи), а также тексты, содержащие описание процессов приготовления пищи и характеристики продуктов питания (рецепт, книга о здоровом питании, кулинарный журнал).

Исходя из дискурсивных формул кулинарной коммуникации и видов деятельности, связанных с питанием, участниками коммуникации в гастрономическом дискурсе являются люди, которые готовят, подают и потребляют пищу. Таким образом, можно выделить следующие категории участников кулинарной коммуникации:

1. Изготовитель пищевых продуктов (cook, chef, baker, culinary expert, confectioner, wine-maker, brewer etc.);

2. Обслуживающий персонал (waiter, head-waiter, bartender, barista etc.);
3. Потребитель пищи (guest, visitor, meat-eater, vegetarian, vegan, raw-vegan, foodie etc.).

Наиболее распространенными местами, в которых происходит гастрономическое общение, являются, как правило:

1. Домашняя кухня (kitchen, dining-room);
2. Заведение общественного питания (café, restaurant, canteen, bar, burger-bar, coffee-house, pub etc.);
3. Магазин (grocery store, organic market, tea shop, wine store, butcher's etc.).

Языковая репрезентация реалий «заведения общественного питания» является специфической для разных языков и тесно связана с национальной и культурной картинами мира соответствующих этносов, их традициями и отношением к употреблению пищи и напитков в общественных местах. К примеру, особенностью заведений общественного питания в англоязычной культуре является их социальная значимость помимо основной функции предоставления потребителю пищи. Так, культура общения англичан отличается сдержанностью и определенной формальностью. Потребность в периодическом свободном, раскованном и искреннем общении даже с малознакомыми людьми привела к возникновению такого гастрокультурного феномена, как pub. Американским аналогом данного заведения является bar, однако они не идентичны.

Отличия британского паба и американского бара заключаются в контингенте, атмосфере и ассортименте алкогольных напитков и наглядно иллюстрируют культурные отличия двух наций. Глуттоним «pub» наиболее тесно связан с глуттонимом «beer» и имеет ряд ассоциаций с расслабленной атмосферой, ненавязчивой музыкой и семейным досугом. В то же время, «bar» обращает нас к глуттониму «liquor» и ассоциируется с шумными компаниями молодежи, танцами и громкой музыкой.

Касательно времени осуществления кулинарной коммуникации, по большей части, оно связано с различными типами питания в течение дня (meals) и включает в себя такие лингвистические знаки, как breakfast, lunch, brunch, tea, high tea, dinner, supper, late supper.

Англоязычный кулинарный дискурс содержит уникальные лексемы – brunch и lunch, которые не соответствуют хроносу традиционных приемов пищи в гастрономических дискурсах других культур, в частности русской, и часто вызывают непонимание и ошибки в сопоставлении. Так, глуттоним lunch в современном гастрономическом общении американцев и британцев утратил значение «второй завтрак» и используется для обозначения полуденного приема пищи, то есть обеда, в то время как известный русским «dinner» теперь обозначает ужин.

1.3 Лингвистические исследования художественного дискурса

Художественный дискурс является одним из видов личностно-ориентированного дискурса, где общение представлено произведениями художественной литературы, философскими и психологическими интроспективными текстами и обладает монологичным и развернутым характером [21, с. 240].

Создавая «возможные миры», художественный дискурс «открывает» читателю возможность общения в ином измерении. Познавая многомерность реального мира, читатель преодолевает его пространственно-временные рамки, погружаясь в один из «возможных миров» [32, с. 108].

Картина мира – система представлений о реальности (от мироздания в целом до ближайшего окружения, сиюминутного контекста деятельности), характерных для индивида или социальной группы (профессиональной, этнической, религиозной, сословной, языковой и др.).

Художественная картина мира – это не простое изображение реальности, а система знаний, представлений и суждений человека о

реальной действительности и устройстве мироздания, месте человека в мире, смысле его жизни, его гносеологических и креативных возможностях, представленная в художественно-образной форме.

Авторская картина мира – это специфическая форма мировосприятия, которая выступает как альтернатива реальному миру и представляет собой результат внутренней работы автора, его творческой деятельности. Автор текста кодирует определенными языковыми средствами собственное эмоциональное отношение к передаваемым событиям, персонажам, и в то же время стремится вызвать у адресата текста эмоции, созвучные авторскому замыслу.

Художественный дискурс – это не только речь, присвоенная автором-субъектом, но и письмо, в котором прочитывается голос другого: принцип диалога позволяет выявить в нем текстуальную гетерогенность (интертекстовое начало). Закономерным становится вопрос о возможностях реципиента увидеть и правильно истолковать проведенные автором интертекстуальные связи. «Читатель – это то пространство, где запечатлеваются все до единой цитаты, из которых слагается письмо; текст обретает единство не в происхождении своем, а в предназначении, только предназначение это не личный адрес; читатель – это человек без истории, без биографии, без биографии, без психологии, он всего лишь некто, сводящий воедино все те штрихи, что образуют письменный текст» [4].

Маркированность играет важную роль и подразумевает наличие на фонетическом, лексическом, синтаксическом, композиционном уровне лингвистических сигналов межтекстового диалога, которые помогают адресату верно истолковать сообщение автора. К маркированным элементам интертекстуальности можно отнести заголовок, эпиграф, имена персонажей, повтор текстовой формы, смена языкового кода, композиция текста [44, с. 197]. Указанные маркеры носят скорее эксплицитный характер.

В большинстве исследований стратегии изучаются на материале различных видов дискурса (научного, психологического, бытового, рекламного, политического), однако, к сожалению, почти не уделяется внимания художественному дискурсу, который имеет существенные признаки, отличающие его от нехудожественного [19, с. 144].

Можно выделить следующие признаки художественного текста: наличие эстетической функции; полисемантичность (установка на неоднозначность восприятия); особая семантическая организация; имплицитность содержания; субъективность (представление автором своего индивидуального восприятия изображаемых событий); абсолютный антропоцентризм (направленность на познание человека); трансформация всех других функций языка под влиянием эстетической функции; фикциональность, установка на отражение нереальной действительности [11, с. 50-62].

В данной работе под термином «художественный дискурс» мы понимаем:

- 1) художественный текст в процессе когнитивно-коммуникативной деятельности читателя, реконструирующей когнитивно-коммуникативную деятельность автора;
- 2) тип письма, обладающий вышеперечисленными признаками художественного текста.

По мнению В.Е. Чернявской, текст «предстает как система языковых средств, структур, форм, объединенных коммуникативной стратегией отправителя» [44, с. 81]. Представители отечественной когнитивной лингвистики понимают под коммуникативной стратегией план комплексного речевого воздействия говорящего для «обработки» партнера, некоторую последовательность речевых действий, организованных в зависимости от цели взаимодействия. Посредством стратегии достигается и контролируется оптимальное решение коммуникативных задач говорящего (направленных на изменение модели мира адресата, трансформацию его

концептуального сознания) в условиях недостатка информации о действиях партнера [19, с. 100-102]. Таким образом, все другие дискурсивные стратегии подчиняются коммуникативной.

Художественный текст предназначен для коммуникации особого рода. Он рассчитан на особенный тип коммуникантов и специальное распределение ролей между ними. Поэтому вопрос о художественном дискурсе иногда приобретает дискуссионный характер, более того, даже время нацеливает на мысль о том, что художественный текст как специфическое образование не имеет дискурса, ибо создание художественного текста и его восприятие нельзя представить как непосредственные составляющие одного коммуникативного акта. К тому же в художественной коммуникации существует особый код передачи информации и средства воздействия на слушателя или читателя. Создание текста не является спонтанным и непринужденным. Автор также руководствуется определенными установками, а также коммуникативными намерениями и известными ему приемами эстетического воздействия на адресата. В связи с тем, что основным назначением художественного дискурса является эмоционально-волевое и эстетическое воздействие на тех, кому он адресован, то главным конституирующим фактором является его прагматическая сущность.

Функционирование художественного дискурса невозможно вне диалектических отношений: писатель – художественное произведение – читатель. Традиционный подход к анализу художественного текста предполагает изучение текстовых единиц, грамматических категорий, связей и стилистических средств.

Специфика художественного произведения заключается в речевой деятельности говорящего. Здесь имеем ввиду дискурсивную деятельность говорящего, которая выходит за пределы собственно текста и делает толкование художественного произведения особым типом дискурса. Кроме говорящего нужно учитывать и фактор читателя, роль которого заключается

в восприятии художественного текста. Поэтому художественный дискурс можно определить как процесс взаимодействия текста и читателя.

Художественный текст является одним из компонентов акта художественной коммуникации, представляя особую художественную реальность, которая, соединяясь с дискурсами автора и читателя, создает новый тип дискурса – художественный. Ю. Лотман считал, что пространство художественного дискурса выступает как необходимый посредник между литературой и языком, между литературой и внешней реальностью. Именно в нем формируется та «семиотическая среда», которая, по мнению исследователя, является необходимым условием реализации коммуникативной функции словесного искусства [6, с. 438].

Художественный дискурс – это подчиненный эстетической коммуникации дискурс говорящего и персонажей. Ю. Лотман описал специфические признаки художественного типа дискурса, важнейшая из которых, по его мнению, заключается в том, что содержанием сообщения в таком дискурсе является личность. Сообщение в художественном дискурсе приобретает характер актуализации личностью своей целостности. Исследователь делает вывод, что художественный дискурс предлагает не новую ментальность, а новый язык для ее актуализации. Под художественным стилем можно также рассматривать последовательный, предполагаемый, непредсказуемый процесс взаимодействия текста и реального читателя. Однако текст без читателя неполон. Реально он существует в процессе его восприятия, при реконструкции той части его содержания, которая прямо в тексте не выражена, но предполагается, что она известна читателю и привносится им в процессе создания художественного дискурса.

Ученые также отмечают, что художественный дискурс можно характеризовать в рамках различных классификаций типов дискурса. По классификации Г. Почепцова, он относится к безадресному подвиду письменного типа дискурса [34, с. 12–33].

Итак, художественный тип дискурса – это одно из самых сложных понятий в теории дискурса. Каждый лингвист истолковывает его по-своему, учитывая те или те аспекты его природы. Художественный дискурс – это воплощение вербального сообщения, которое передает предметно-логическую, эстетическую, образную, эмоциональную и оценочную информацию, объединенную в идейно-художественном содержании текста в единое целое.

Ведущие ученые и лингвисты относят художественный дискурс к различным типам дискурсов, в каждом из которых выполняется определенная функция. В наше время определение особенностей дискурса художественного произведения представляет особую ценность. По своей сущности художественный дискурс содержит в себе отпечаток культуры на определенном этапе развития общества.

Дискурс художественной литературы способствует в первую очередь концептуализации знаний, что позволяет использовать их в связи с дальнейшим назначением. В самом общем смысле под дискурсом следует понимать прежде всего идеологически оформленную речевую деятельность языковой личности, формирующую вербальное пространство конкретного научного направления или искусства в рамках взаимодействия с другими непосредственными участниками этой деятельности. Под художественным дискурсом следует понимать коммуникативный акт, которые не обязательно и не в первую очередь преследует цели (такие, как вопрос, утверждение, угроза, обещание), характерные, к примеру, для межличностной коммуникации, или любой другой набор целей, присущий другим типам дискурса [38].

Одним из основных отличий дискурса художественного произведения от других типов дискурса является цель, которую он подразумевает. Так, цель художественного дискурса может быть описана следующим образом: писатель посредством своего произведения осуществляет попытку воздействия непосредственно на «духовное пространство» читателя как

реципиента с целью воздействия на него и внесения некоторых изменений. Под духовным пространством в таком случае понимается система ценностей, знаний, взгляды на жизнь конкретного человека, чаяния и желания, личностные ориентиры [3].

Другой отличительной особенностью художественного дискурса от других видов дискурса является то, что художественный текст обладает особой креативной внутритекстовой действительностью, то есть его создание производилось под воздействием воображения и творческой энергии автора, что обуславливает его условный и, как правило, выдуманный характер. Исходя из этого следует, что художественный текст или дискурс в узком смысле является выдуманным, в рамках которого соотношение изображаемого мира с действительностью носит опосредованный характер, преломляется через индивидуально-авторское его восприятие, трансформируется в соответствии с интенцией автора, то есть концептуализируется.

Следующей особенностью дискурса художественного произведения является то, что он обладает большим многообразием жанровых, тематических, возрастных и идеологических составляющих. По своей структуре художественный дискурс имеет многообразный и неоднородный характер, он как бы состоит из большого количества «поддискурсов», которые и создают многообразие всего произведения [24, с. 228–231].

Более того, как уже было упомянуто, одной из основных отличительных особенностей дискурса художественного произведения от других видов дискурса является то, что он содержит в себе отпечаток конкретной культуры, преобладающей на определенном этапе развития общества. Таким образом, дискурс художественного произведения значительным образом отличается от других видов дискурса – он подразумевает особый характер взаимоотношений и взаимодействия между писателем и читателем, вовлечение культурных, эстетических и личных знаний о мире и отражение особого отношения к окружающей

действительности. Во многом благодаря жанровому, тематическому и идеологическому многообразию художественный текст обладает дискурсным многообразием. Именно в связи с этими отличительными особенностями, изучение дискурса художественного произведения представляет особый исследовательский интерес.

Таким образом, мы можем сформулировать следующее определение художественного дискурса. Художественный дискурс – это совокупность вербальных высказываний, сформированная как результат взаимодействия автора и читателя (зрителя, слушателя) с помощью какого-либо произведения искусства. Под «произведением искусства» мы понимаем текст, объект или событие, которые обладают эстетической ценностью и являются продуктом художественного творчества.

1.4 Ключевые аспекты исследования кулинарного дискурса

Кулинарный дискурс, как и любой тип дискурса, трактуется как сложное коммуникативное явление, которое обладает отличительными признаками, выделяемыми на уровне продукта речевого события, обладающего такими качествами как: смысловая однородность, актуальность (релевантность), контекстуальная «привязанность», жанровая, тематическая или идеологическая принадлежность (Т.А. ван Дейк, В.Кинч, В.З.Демьянков, А.Е.Кибрик, И.М.Кобозева, W. Chafe, W. Labov). Часть учёных рассматривают данный тип дискурса в рамках вербализованной деятельности, культурной соотнесённостью, принадлежностью к социальному слою или конкретному историческому периоду [27].

Белгородский лингвист Аркадий Петрович Седых употребляет термин «глуттонический / кулинарный» дискурс, который трактуется, как языковое отражение одной из центральных человеческих потребностей, эволюционирующих в динамике реализации национальных густативных предпочтений [35].

Кулинарный дискурс исследуется как жанр институциональной коммуникации, т.к. он действует в рамках института кулинарии. А.В. Олянич определяет гастрономический дискурс как особый вид коммуникации, связанный с состоянием пищевых ресурсов и процессами их обработки и потребления. Это определение является основным в нашей работе. Исследователь подчёркивает, что пища – есть не что иное, как:

1) когнитивная система, представляющая собой конгломерат ценностных и культурных доминант, связанных между собой общей идеей глоттонии, т.е. потребления и поддержания жизни Homo Consummatus – Человека Потребляющего;

2) особая знаковая система, состоящая из достаточно чётко иерархизованных знаков, имеющих свою особую лингвистическую интерпретацию» [31, с.167-200]

Как мы видим, кулинарный тип дискурса трактуется как коммуникативная деятельность, обладающая когнитивными и знаковыми характеристиками. В качестве целей гастрономического дискурса А.Ю. Земскова выделяет передачу опыта или обучение, ознакомление с кулинарной культурой и традициями других народов, формирование пищевых предпочтений [18]. В качестве целей П.П. Буркова также выделяет обучение (передачу опыта), ознакомление с кулинарной культурой и традициями других народов [9].

По мнению А.Ю. Земсковой, участниками гастрономического дискурса являются: агент, то есть человек, обладающий большим опытом, навыками, умениями, знаниями в области глоттонии, и клиент, то есть человек, намеревающийся что-либо приготовить, или посетитель заведения общественного питания [18].

Например, в контексте кулинарных телепередач ими будут являться ведущий/гость(и), т.е. люди, делящиеся своим кулинарным мастерством и опытом, и зрительская аудитория, на которую и направлено это обучение. Важно отметить, что роли ведущего и гостя не всегда статичны и могут

меняться: ведущий программы может превратиться из «агента» действия в «клиента» на тот момент, пока его гость(и) будет делиться своим рецептом, и наоборот. Ведущий и гость программы слушают рецепты друг друга, советы по приготовлению блюда и т.д., так же как и телезрители получая возможность научиться чему-то новому.

Передачи выходят в эфир в утреннее время, потому что в основном зрительскую аудиторию представляют большей частью домохозяйки, в распоряжении которых есть еще много времени для приготовления понравившегося им блюда. В кулинарных телепередачах процесс готовки происходит на студийной кухне. Фактор времени и топоса является хронотопом гастрономического дискурса в данном жанре.

Рассмотрим дискурс, реализуемый в кулинарных телепередачах.

Высказывания ведущего или гостя передачи преимущественно однозначны:

«You need about 750 ml of stock. Now, the stock could be vegetable stock or it could be chicken stock. And, of course, pepper and salt. Turn the heat down and then simmer those vegetables until they are tender. It will take about 15 or 20 minutes».

"Вам понадобится около 750 мл. жидкости. Итак, можно использовать бульон, оставшийся от варки овощей или курицы. Конечно же, перец и соль. Убавьте огонь и затем потушите эти овощи до мягкой консистенции. Это займет около 15 - 20 минут".

Однако, на наш взгляд, иногда ведущий усложняет коммуникацию стилистическими приемами (например, часто встречающийся прием олицетворения): «Немного растительного жира, вот оно – это неказистое мясо! Вот он – кипящий жир! Давайте-ка мы дадим этому мясу забронзоветь в обществе сильной высокой температуры. Итак, на этом мы не остановимся. Смотрите, дальнейший этап – это триумф вседозволенности поварской». В процессе приготовления еды наблюдается кооперативность, так как готовка объединяет людей, сплоченных общей

целью: донести до зрителя рецепт приготовления блюд. В кулинарных телепередачах, где нет гостей программы, и ведущий готовит один, мы все также слышим его доброжелательный тон, который воодушевляет зрительскую аудиторию на приготовление блюда.

И, наконец, рассматривая такой критерий, как конкретность или отвлеченность тематики, подразумевается обиходно-практическая или дискуссионно-гипотетическая тональность. В кулинарных телепередачах мы наблюдаем обиходно-практическую тональность, так как процесс готовки требует наблюдения, умения, практических навыков, необходимых в быту. Однако гость или ведущий программы может говорить не только о еде, но и о «вещах ненаблюдаемых и вероятных», что является показателем дискуссионно-гипотетической тональности, какой уделяется меньший процент времени.

На основе рассмотренных признаков мы видим, что данные авторы придерживаются схожих точек зрения. А.Ю. Земскова в качестве участников выделяет агента, обладающим большим опытом в области гастрономии и клиента, который намеревается что-либо приготовить или посетить заведения общественного общепита. Что касается целей гастрономического дискурса, здесь авторы также сошлись во мнениях, не считая одной отличительной особенностью, указанной Н.П. Головницкой. Если А.Ю. Земскова и П.П. Буркова в качестве целей выделяют передачу опыта или обучение, ознакомление с кулинарной культурой и традициями других народов, то Н.П. Головницкая предлагает в качестве цели гастрономического дискурса формирование пищевых предпочтений и культурных доминант потребителя, которые связаны с питанием, т.к. для того чтобы жить, прежде всего, нужно питаться [9, 15, 18].

Кулинарный дискурс может рассматриваться в процессуальном аспекте как акт семиозиса и в данном аспекте обладает неисчерпаемым потенциалом для выявления сущностных черт национального менталитета. В этом смысле гастрономические предпочтения любой нации могут

трактоваться в качестве двусторонней знаковой системы, как на уровне самих явлений, так и на уровне их вербальных манифестаций.

Наиболее четкая классификация типов дискурса, по нашему мнению, у В.И. Карасика, который выделяет два типа: персональный и институциональный. В системе институционального общения выделяется гастрономический дискурс, в структуру которого входят цель, участники, хронотоп, ценности, стратегии, темы, стили и жанры, материал общения и дискурсивные формулы [20]:

1) цель: удовлетворение голода (жажды), ориентирование потребителя на выбор продукции, формирование гастрономических предпочтений;

2) участники: покупатель, посетитель заведения, персонал заведения, человек, который готовит пищу;

3) время: завтрак, обед, полдник, ужин и прочие характерные приемы пищи;

4) ценности: приготовление пищи и её употребление;

5) стили и жанр общения зависят от обстановки и условий общения, а стили и жанры гастрономических текстов обусловлены интенциями авторов.

Можно выделить различные жанры гастрономического дискурса, которые отличаются друг от друга своими функциональными предназначениями: меню, кулинарные гиды, реклама, этикетки продуктов, кулинарные телепередачи – все это объединено общей тематикой, специальной лексикой и языковыми средствами.

В последние десятилетия характерология всё чаще рассматривается как экспликативная дисциплина. В этом смысле предлагается трактовать данный термин в русле объяснения сущностных признаков национальной языковой личности, в частности – как одного из векторов национального менталитета или типологических черт национального характера. Данная категория очень близка выдвигаемому В.И. Карасиком понятию

«лингвокультурного типажа» как «узнаваемых образов представителей определённой культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества» [20].

Сам термин «языковая личность» был введен Ю.Н. Карауловым. По мнению ученого, языковая личность предстает как «многослойный и многокомпонентный набор языковых способностей, умений, готовности к осуществлению речевых поступков в разной степени сложности, поступков, которые классифицируются по видам речевой деятельности (аудирование, говорение, чтение, письмо) и по уровням языка...» [23, с. 29].

Национальная языковая личность – это закреплённый преимущественно в лексической системе базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка.

Устойчивый характер национальных черт языковой личности отражается в кулинарном дискурсе, так как состояние пищевых ресурсов и процессы их переработки и потребления для каждой нации обусловлены относительно жёстко фиксированным набором потребительских стандартов. Кулинарная система лингвокультуры отражается также в институциональном дискурсе, который стремится использовать пищевые ресурсы для удержания власти: «вследствие этого в любой лингвокультуре существует развитая система лингвосемиотических знаков-глуттонимов, которые зачастую используются в качестве знаков-идеологем. Социальная дифференциация еды, то есть еды, ориентированной на разные социальные группы, осуществляется по нескольким параметрам, среди которых выделяется социальное и имущественное положение.

Избираемая структура кулинарного дискурса обладает определенным набором этнокультурных признаков, так как разные языки отражают собственные «индивидуальные» предпочтения в плане логики, семантики и стратегии достижения целей кулинарной коммуникации. Это выражается в специфике конфигураций семантических компонентов высказывания в национальных языках, в частности – в русском и английском.

Кулинарные пресуппозиции служат структурной основой реализации ценностных установок в речевом поведении и коммуникации. Кулинарные пресуппозиции трактуются как не вызывающие сомнения вкусовые комплексы (отражаемые в языке), на которые однозначно реагируют представители одной и той же культуры. При помощи конструирования кулинарных пресуппозиций исследователь может узнать об аутентичности вкусовых предпочтений индивида и культуры. В дополнение к эпистемологической значимости моделирования пресуппозиций можно говорить о дидактической ценности подобных операций, в результате которых появляется возможность освоить представления, как о нынешней ситуации, так и об общих «правилах жизни» нации в данной области.

Выделяются разные виды и жанры дискурса.

Так, есть, например, рецепты, а есть кулинарные шоу, относятся к письменному и устному кулинарному дискурсу соответственно.

Встречается самая различная лексика, в том числе:

- глаголы,
- прилагательные,
- существительные.

Например, если в национальной кухне местные жители используют различные виды трав и перца для ароматизации своих блюд, могут возникнуть сложности перевода. В кулинарном дискурсе в описании блюд, применимо к национальной кухне, часто встречаются названия морепродуктов, таких как устрицы, рыба, улитки, кальмары, моллюски, креветки. Для кулинарного дискурса и его анализа важно учитывать специфику культуры, так как еда и культура тесно переплетены. Процессы, связанные с приготовлением, подачей и совместным использованием определенных продуктов питания и напитков, могут показаться простыми, но они часто имеют важное социальное и культурное значение. Рецепты и диетические практики могут быть использованы для передачи знаний от одного поколения к другому.

Приготовление и употребление определенных продуктов в рамках празднования может укрепить социальные связи. Для путешественников знакомство с местной кухней и приобщение к кулинарным традициям – один из лучших способов углубить свои знания и обогатить свой опыт. На подсознательном уровне мы приобщаемся к многовековым кулинарным культурам и традициям. Культура питания во всем мире зависит от таких факторов, как местный ландшафт и погода. По этой причине они могут даже различаться в пределах одной страны. Например, в северной части Италии в пищу часто добавляют сливочное масло, приготовленное из молока местных молочных коров, в то время как на юге страны, где выращивают оливки, сливочное масло почти не используется, и вместо него предпочитают готовить на оливковом масле. История страны также оказывает влияние на культуру питания и традиции живущих там людей.

Всё это подчёркивает значимость кулинарного дискурса, его многообразие. Обычно текст, относящийся к кулинарному дискурсу, включает в себя ингредиенты, характеристики, описание рецептов.

В контексте кулинарного дискурса нужно отметить, что традиционные рецепты, передаваемые из поколения в поколение, помогают сохранить историю и привычки людей, которые их готовили. Это означает, что еда также может быть важным способом для нас понять культурные обычаи и традиции людей из разных слоев общества, а потому столь важно изучение кулинарного дискурса.

1.5 Модели анализа дискурса

Изначально интересы одного из самых известных теоретиков критического дискурс-анализа Т. ван Дейка были связаны с изучением французской стилистики, поэтики и семантических аспектов текста. В период конца 1960-х гг. в существенное влияние на него оказали идеи французского структурализма – Греймса, Барта и др., позднее его заинтересовали идеи Лакоффа и Мак-Коли, развивая которые он создал

собственную версию генеративной грамматики текста [16]. После анализа многочисленных литературных текстов интересы Т. ван Дейка переместились в сферу лингвистики, однако в этом направлении ему хотелось выйти за рамки устоявшихся традиций.

В начале 1970-х гг. происходило активное становление новой междисциплинарной науки, которая принципиально иным образом представляла природу и механизм функционирования языка. Т. ван Дейк заинтересовался данным направлением и начал сотрудничать с В. Кинчем. Они разрабатывали идею о неразрывной взаимосвязи процессов, происходящих в человеческой памяти, а также определяющих построений и восприятия речевых сообщений. Совместно в 1983 г. ими была написана книга «Стратегии восприятия дискурса», с этого момента, по словам самого Т. ван Дейка, «формалистический» этап его научной деятельности сменил междисциплинарный подход [16, с. 8].

Появившиеся в 1980-е гг. работы в области когнитивной социальной психологии, этнометодологии и социального познания позволили изучать вопросы языка с учетом мнений, установок говорящего и слушающего, их социального статуса и этнической принадлежности. Одновременно с изучением данной проблемы, Т. ван Дейк начинает заниматься вопросами этнических предубеждений в средствах массовой информации, которые и составили основу его дальнейших исследований [16, с. 10].

В работах Т. ван Дейка дискурс может заключать в себе различные единицы анализа, такие, как отдельные слова (лексические единицы), часть предложения, целые предложения, последовательность предложений или целый текст. Существуют различные режимы проявления и использования дискурса, например, в устной или письменной форме, в монологах и диалогах. Дискурсы являются неотъемлемой частью коммуникативных актов в определенных социальных ситуациях, которые называются «контекстом». Проявление дискурса в различных сферах предполагает

существование различий в характеристиках, но общие принципы также существуют.

Функциональность дискурса проявляется в его социальном контексте, поверхностные структуры и смыслы производятся и определяются характеристиками говорящего, например, желаниями, намерениями, настроением, отношениями между говорящим и слушающим, уверенностью и близостью, а также типом социальной ситуации, судебным процессом или школьным уроком.

Текстовая последовательность предложений отличается от произвольного набора фраз тем, что последовательность является значимой. Одним из типичных условий осмысленности дискурса является единство, которое, как правило, описывается в терминах локальной или глобальной согласованности. Тексты по своему назначению связаны, так как факты, к которым они апеллируют, обладают причинно-следственной связью, высказанные предложения обладают спецификацией или выполняют функцию обобщения, при этом являясь связанными ими. Критерием значимости для дискурса является не только то, что последовательность предложений имеет смысл, но также то, что они повествуют о чем-либо независимо от того, используются реальные или вымышленные факты.

Т.А. ван Дейк в текстуальном анализе выделяет уровни микроструктур и макроструктур. На микроструктурном уровне рассматриваются особенности текста на всех языковых уровнях – фонетическом, графическом, морфологическом, синтаксическом и семантическом [12].

Макроструктуры, по мнению Т.А. ван Дейка, выводятся из значений предложений текста с помощью селекции, обобщения и конструирования, а также приписываются на основе собственных знаний и убеждений. Исходя из этого, делается вывод, что макроструктуры не являются универсальными, они варьируются в зависимости от субъекта. Т.А. ван Дейк также отмечает, что при выполнении текстуального анализа

необходимо учитывать риторический аспект, который оказывает влияние на все структурные уровни [12].

На контекстуальном уровне Т.А. ван Дейк выделяет:

- 1) обстоятельства (settings),
- 2) время (time),
- 3) место (location),
- 4) событие/действие (event/action),
- 5) участники (participants),
- 6) сфера деятельности (domain),
- 7) роли участников дискурса (roles).

Таким образом, анализ дискурса на текстовом и контекстуальном уровне позволяет получить более полную картину представления дискурса о семье в медиапространстве, выявить его языковые и экстралингвистические особенности.

Проблема применения и социальная значимость дискурса вызывает дискуссию. Одна часть исследователей утверждает, что выбор исследовательских целей, методов, теорий и объектов анализа не может быть независимым от нашей собственной социально-политической позиции и интересов социального контекста исследований. Другие исследователи утверждают, что происходит совмещение науки, политики и ограничений, которые зависят от внешних социальных или политических событий.

Выводы по первой главе

В последние годы в современной лингвистике в рамках когнитивного направления появилось много новых аспектов исследования. Одним из таких аспектов является описание дискурса и анализ его системообразующих признаков, позволяющих рассматривать его как самостоятельную категорию коммуникации.

Таким образом, понятие «дискурс», заимствованное из структурной лингвистики, получает в конце XX века все более широкую научную интерпретацию и терминологическую многозначность

По определению Т.А. ван Дейка, "дискурс – это речевой поток, язык в его постоянном движении, вбирающий в себя все многообразие исторической эпохи, индивидуальных и социальных особенностей как коммуниканта, так и коммуникативной ситуации, в которой происходит общение. В дискурсе отражается менталитет и культура как национальная, всеобщая, так и индивидуальная, частная". [12, с. 20]

Элементами дискурса выступают: излагаемые события, их участники, перформативная информация и "несобытия", т.е.:

- обстоятельства, сопровождающие события;
- фон, поясняющий события;
- оценка участников события;
- информация, соотносящая дискурс с событиями.

Это определение отмечается как наиболее полное в современной теории языкознания.

Рассматривая дискурс с позиции социолингвистики, В. И. Карасик выделяет личноориентированный и статусноориентированный дискурсы. В качестве основания для такого деления В. И. Карасик использует типологию участников дискурса. Так, в центре личноориентированного дискурса находится говорящий (а также его личные характеристики). При описании статусноориентированного дискурса В. И. Карасик говорит о коммуникации, в основе которой лежат принятые в том или ином обществе социальные формы общения и устоявшиеся общественные институты. Примерами такого институционального дискурса могут быть политический, педагогический, юридический, военный, массово-информационный дискурсы. Автор делает акцент на том, что институциональный дискурс очень изменчив.

В настоящий момент нет одного установившегося названия для обозначения дискурса, включающего в себя продукты питания, способы и методы приготовления блюд, оценку качества блюд, а также способы их подачи. Это можно обусловить тем фактом, что дискурс не имеет четких границ и находится в состоянии постоянного развития. Было предпринято несколько попыток объединить все аспекты, связанные с темой “пища”, а также углубиться в одну из областей.

Понятие “кулинария” также широко употребляется в значении “искусство приготовления пищи”. Неотъемлемой частью кулинарии также является наличие специального оборудования и определенных правил (рецептов).

Мы рассмотрели особенности гастрономического дискурса согласно модели институционального дискурса, описанной В. И. Карасиком. Предложенная автором схема включает в себя характеристику типовых участников дискурса, хронотоп, цели, ценности, стратегии, жанры, прецедентные тексты и дискурсивные формулы.

Наличие понятий гастрономический, кулинарный и глоттонический дискурс обуславливается тем фактом, что авторы пытаются найти термин, который бы охватывал весь спектр подготовки, процесса приготовления и потребления пищи, и одновременно с этим пытаются определить границы этой обширной области, в результате чего происходит синонимизация понятий.

ГЛАВА 2. ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ КУЛИНАРНОГО ДИСКУРСА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Для анализа лингвостилистических особенностей функционирования элементов кулинарного дискурса в художественном дискурсе нами было отобрано 4 произведения английской литературы. Два художественных текста относятся к XIX веку: «Oliver Twist» и «Great Expectations» Чарльза Диккенса, объемом 544 и 544 страницы соответственно. Два принадлежат авторам XXI века: «The Sea House» Эстер Фройд, объемом 288 страниц, и «Me Before You» Джоджо Мойес, объемом 480 страниц.

Нами будут рассмотрены:

- 1) частеречная принадлежность лексики, относящаяся к кулинарному дискурсу, а также категории лексико-семантического поля «Еда»;
- 2) стилистические приемы и средства, созданные на основе элементов кулинарного дискурса;
- 3) функции элементов кулинарного дискурса в художественном дискурсе.

А также сформирован комплекс упражнений на основе изученного материала.

2.1 Лексико-семантическое поле «Еда» в художественном дискурсе XIX и XXI веков

Лексико-семантическое поле "Еда" является важным аспектом кулинарного дискурса в литературном произведении, способным раскрыть множество символических аспектов. Одним из ярких примеров, где данное поле приобретает особую значимость, являются романы Чарльза Диккенса «Оливер Твист» и «Большие надежды». В произведениях авт ор широко

использует лексику, связанную с пищей, чтобы передать идеи социального неравенства, условий жизни и моральных категорий, оказывающих влияние на героев. Рассмотрим лексико-семантическое поле (далее «ЛСП») «Еда» в указанных романах, выделяя его особенности и значения, а также примеры лексики. Данный анализ поможет нам глубже понять мир романа, его социальный контекст и эмоциональную составляющую, вносящую вклад в развитие сюжета и характеры персонажей.

Ключевые категории ЛСП «Еда» в указанных произведениях:

1. Слова, указывающие на количество (30 единиц): bits of, a piece of, a loaf of, a slice of, a half of, a bite of, a hunk of, a jar of, a bottle of, a jug of, a glass of, a dram of, a hunch of, a sack of, a morsel of, a pint of, a cask of, fragments of, quantities of, ounces, a quarter of, a pound of, half a pint of, a mass of, a drop of, a lump of, a basin of, a portion of, a jorum of, a draught of

Указанные слова выполняют важную роль в описании пищи и создании атмосферы сцен произведения. Они помогают передать конкретные объемы или порции пищи, что делает повествование более живым и наглядным.

2. Названия блюд (20 единиц): a pie, gravy, pudding, a toast, a biscuit, a salad, a mince-pie, a cake, noodles, roast-beef, plum-pudding, sauce, soup, a muffin, a sandwich, oatmeal, a roll, oysters, broth, a steak.

Названия блюд играют важную роль в создании атмосферы романов. Они помогают передать разнообразие пищи, помогают читателю представить её вкусовые характеристики, а также отразить социальный контекст и временной период произведений.

3. Названия ингредиентов для блюд (30 единиц): bread, cheese, fowl, cucumbers, butter, mincemeat, pork, milk, greens, nuts, oranges, apples, salt, sugar, a lemon, peas, bacon, meat, melon, fruit, parsley, an orange, a hob, fish, mutton, pickles, onions, vegetables, ham, saveloy.

Названия ингредиентов дают автору возможность передать разнообразие продуктов, используемых при готовке, и раскрыть детали

приготовления блюд, что также помогает отобразить социальный контекст и временной период написания романов.

4. Названия национальных блюд и напитков (10 единиц): saveloy, ale, a pudding (категория сытных британских вторых блюд, приготовленных из нутряного говяжьего или бараньего жира, лука, специй, овсяной крупы, фарша, теста, иногда также крови и субпродуктов, в различных сочетаниях), a pork pie, mincemeat, mince-pie, a plum-pudding, roast-beef, English muffin, a sandwich.

В романах Чарльза Диккенса, включая "Оливер Твист" и "Большие надежды", национальные названия блюд играют роль в создании атмосферы, описании культурных особенностей и социального контекста. Они помогают передать разнообразие кухни и культурных традиций Англии XIX века.

5. Названия кухонных принадлежностей и принадлежностей для сервировки (30 единиц): plates, supper-tray, a fork, a spoon, a kettle, supper-cloth, a knife, tea-things, a salt-box, cloth, tablecloth, a dinner-napkin, a teaboard, a cup, a saucer, a salt-cellar, kitchen appliances, a neckerchief, a teapot, a porter-pot, a bread-pan, a saucepan, a pot, a table-spoon, a sugar-basin, a milk-pot, a pint-pot, a sauce-cruet, a toasting-fork, tea-caddy.

Данные слова также играют роль в создании атмосферы, описании деталей и сценариев, связанных с едой и приемом пищи. Они помогают передать разнообразие кухонных аксессуаров и предметов сервировки, а также отразить социальные различия и обстановку.

6. Глаголы сервировки и приготовления еды (25 единиц): to simmer, to brew, to jam, to stir, to spread, to trim, to mould, to serve out, to pour, to clear, to mix, to clean, to bake, to brew, to serve, to pour out, to cut, to lay, to cover, to stir, to grate, to clear away, to warm up, to toast, to wipe.

Перечисленные лексемы в произведениях играют важную роль в создании атмосферы, передаче настроения, характеристике персонажей и внесении символических значений.

7. Глаголы употребления пищи (24 единицы): to eat, to take bites, to swallow, to dine, to partake, to taste, to drink, to gulp, to bite, to bolt, to gobble, to take gulps, to drink off, to take, to breakfast, to get a bite, to get a sup, to lunch, to crunch, to finish, to polish, to tear, to banquet, to over-feed.

Глаголы, описывающие процесс употребления пищи, помогают создать образы, передать эмоции и отношение персонажей к еде. Они также могут иметь символическое значение, отражая характеры персонажей, социальные аспекты или духовные состояния. Глаголы, связанные с избыточным питанием или чрезмерной едой, могут указывать на срывы или негативные черты персонажей. Например, персонажи, которые жадно поглощают пищу или пьют, могут быть ассоциированы с жадностью, безудержностью или падением моральных ценностей. Напротив, слова, связанные с недостатком пищи или голодом, могут передавать тему бедности, нищеты или несправедливости. Такие глаголы могут создавать образы голода, страдания или уязвимости.

Всего в романах было выделено 289 существительных, 116 прилагательных и 76 глаголов ЛСП «Еда», что отображено графически на рисунке 1:

Рис. 1 – Соотношение частей речи ЛСП «Еда» в произведениях XIX века

Преобладание существительных в лексико-семантическом поле "Еда" в романах Ч. Диккенса может быть объяснено несколькими факторами, включая статичность изображения и особенности этого поля в литературных произведениях. Существительные являются основой для описания предметов и явлений в языке. В контексте пищи и еды, они позволяют конкретно и точно указывать на различные продукты, блюда, ингредиенты и предметы, связанные с едой. Данные лексемы служат основой для формирования образов и представления о пище в романах.

Существительные также используются для описания состояний, характеристик и свойств, связанных с пищей. Например, данные лексемы могут указывать на недостаток пищи, качество и неполноценность, бедность и ограниченность, изобилие и роскошь. Они помогают создать образы и символическое значение пищи в романе.

Существительные в лексико-семантическом поле "Еда" также могут отражать социальные и классовые различия. Они помогают выразить разницу между богатыми и бедными персонажами, их доступом к определенным продуктам и пище. Преобладание существительных в этом поле может отражать статусные различия и разделение в обществе.

Графически соотношение категорий ЛСП «Еда» отражено на рисунке 2:

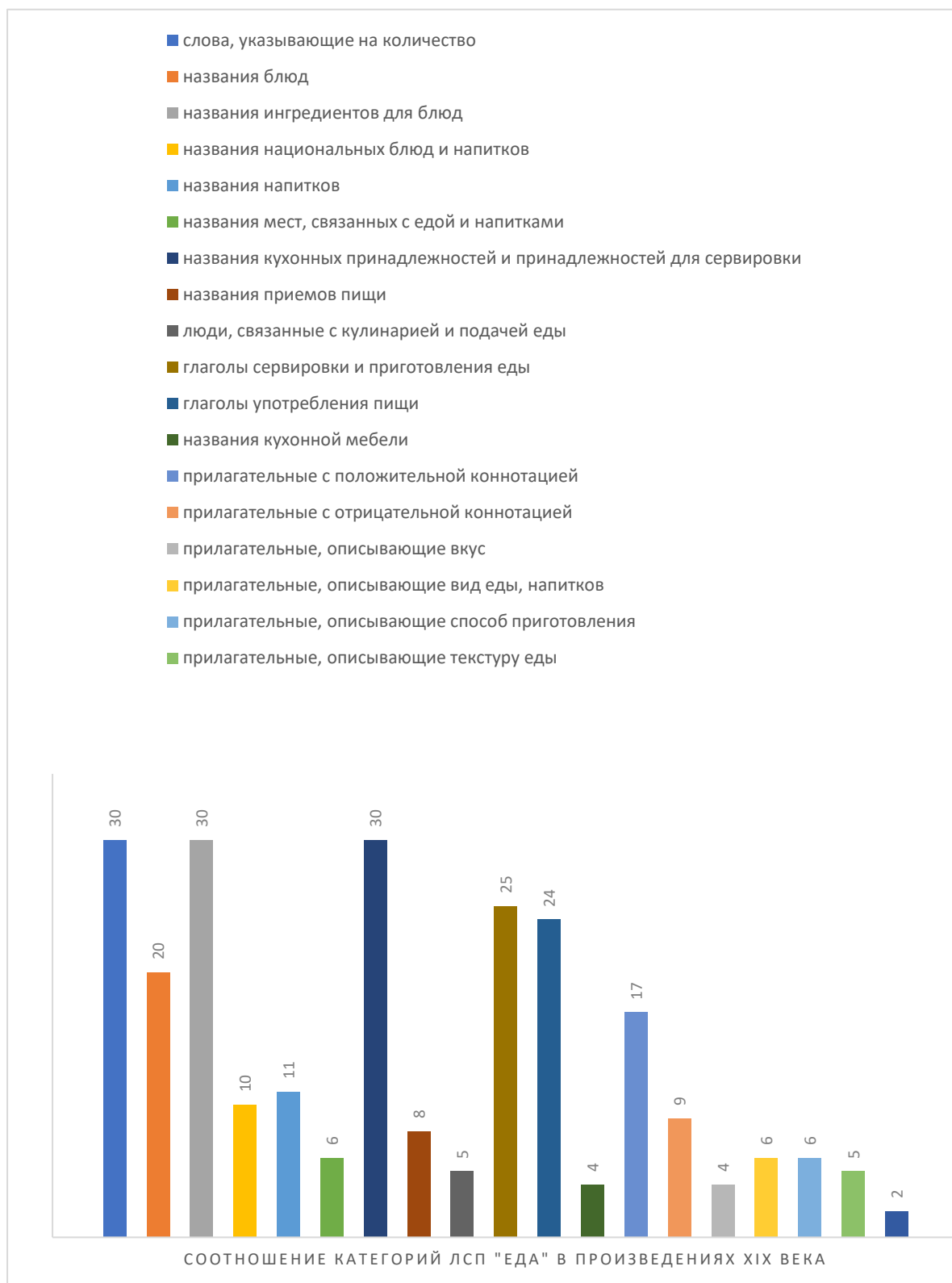

Рис. 2 – Соотношение категорий ЛСП «Еда» в произведениях XIX века

Такое соотношение объясняется тем, что XIX век был периодом существенных социальных, культурных и экономических изменений,

включая промышленную революцию и увеличение городского населения. Эти изменения повлияли на различные аспекты жизни, включая пищу и ее приготовление.

В период индустриализации и роста городов, массовое производство пищи и коммерческий оборот требовали точного измерения и описания количества продуктов. Появление стандартизированных упаковок, систем весов и мер позволило более точно определять и указывать количество продуктов.

В XIX веке происходили значительные изменения в доступности и разнообразии продуктов. Рост торговли и транспортных сетей позволял получать различные ингредиенты для приготовления блюд, и авторы романов могли отразить этот аспект, включая разнообразные названия ингредиентов.

Вместе с развитием промышленности и увеличением доступности различных кухонных принадлежностей, таких как кастрюли, сковородки, ножи, тарелки и столовые приборы, авторы романов могли использовать эти детали для создания более реалистичной и живой атмосферы, поскольку оформлению стола уделялось очень много внимания.

В литературе XXI века одной из наиболее универсальных и богатых лексико-семантических областей, которая входит в повседневную жизнь человека и пронизывает различные аспекты культуры, также является ЛСП "Еда". Оно было проанализировано нами в двух романах: "The Sea House" Эстер Фрейд и "Me Before You" Джоджо Мойес.

Через призму лексико-семантического поля "Еда" в романе "The Sea House", мы сможем исследовать, как эта тема влияет на характеризацию персонажей, создание атмосферы и раскрытие сюжета. Оно служит не только средством характеристики героев, но и инструментом создания сильных эмоциональных связей между ними.

Ключевые категории ЛСП «Еда» в указанных произведениях:

1. Слова, указывающие на количество (22 единицы): a drink of, a packet of, a piece of, mounds of, bits of, a teaspoon of, a tray of, a bottle of, a mug of, a slice of, a carton of, a pack of, a hoard of, a shelf of, a cluster of, a sack of, a tureen of, a forkful of, a cup of, a sip, a jug of, a swallow of

В романах указание на количество важно для выражения деталей и особенностей блюд и ингредиентов, которые олицетворяют культуру и образ жизни персонажей. Слова, указывающие на количество, позволяют создать ощущение реальности и запечатлеть атмосферу вокруг пищи, отражая вкусы, привычки и социальное положение персонажей. Например, данные слова могут использоваться для описания разнообразия блюд на столе или количества гостей во время празднества. Количество еды, которую персонажи потребляют вместе, может отражать степень близости и сопричастности, а также служить символическим средством коммуникации и выражения их взаимоотношений.

2. Названия блюд (44 единицы): doughnut, fries, crisps, salad, chips, dressing, gravy, roast-beef, a sandwich, pasta, soup, sauce, applesauce, pork rolls, a bun, a casserole, a cake, pudding, lasagna, steak, strips of turkey breast, toffee fudge, a sandwich, fish fingers, curries, pancakes, barbecue, croissants, goulash, risotto, sauerkraut, stew, biscuits, digestives, ice-cream, bread sticks, Fish and Chips, pork chops, jelly, bagels, a tart, a shortcake, icing, scones

Роль названий блюд в лексико-семантическом поле "Еда" в романах "The Sea House" Эстер Фрейд и "Me Before You" Джоджо Мойес играет важную функцию в создании атмосферы, характеристики персонажей и раскрытии смысловых нюансов, связанных с темой питания. Данные лексемы служат средством передачи традиций и культуры, а также помогают создать аутентичную обстановку. Они могут указывать на специфику региональной кухни или быть связанными с историческими и культурными событиями. Они дают возможность читателю ощутить атмосферу места и времени, а также отразить вкусы и предпочтения персонажей.

3. Названия национальных блюд и напитков (10 единицы): roast-beef, a sandwich, English toffee, fish fingers, a savory pudding, a digestive biscuit, a shortcake, crumpets, fish and chips, egg and cress sandwich

Роль данных слов заключается в обогащении атмосферы, создании культурных оттенков и раскрытии идентичности персонажей. Национальные названия блюд могут указывать на специфику региональной кухни и помогать создать аутентичную обстановку. Это может быть связано с конкретным местом или культурой, которая пронизывает сюжет.

4. Названия ингредиентов для блюд (46 единиц): sweetener, chicken, vegetables, carrots, potato, orange, brussels sprouts, zucchini, a duck, beer, a hog, a pickle, salmon, bread, a tomato, peanuts, melon, a banana, rice, paprika, meat, milk, cream, celery, an onion, beef, sugar, salt, eel, dough, seeds, cabbage, beans, pistachio nuts, apples, chocolate, salami, ham, bacon, leek, parmesan, yoghurt, lettuce, spaghetti, apricots, puree

Названия ингредиентов используются для передачи вкусовых и текстурных характеристик блюд, а также для создания аутентичности и отображения традиций и культуры. Они могут использоваться для описания блюд, которые персонажи готовят или употребляют, и служить средством передачи настроений, вкусовых предпочтений и эмоций.

В романах "The Sea House" Эстер Фрейд и "Me Before You" Джоджо Мойес лексико-семантическое поле "Еда" играет важную роль в создании атмосферы, передаче эмоций и характеристик героев. Различные элементы этого поля, такие как названия блюд, ингредиенты, напитки, места, связанные с едой и напитками, кухонные принадлежности, глаголы приготовления и сервировки, прилагательные с положительной и отрицательной коннотациями, а также эпитеты, описывающие вкус, вид, происхождение, текстуру и способ приготовления еды – все это совместно создает богатое и многогранное представление о культуре питания в данных романах.

Всего в романах было выделено 267 существительных, 126 прилагательных и 72 глаголов ЛСП «Еда». Данное соотношение отражено на рисунке 3:

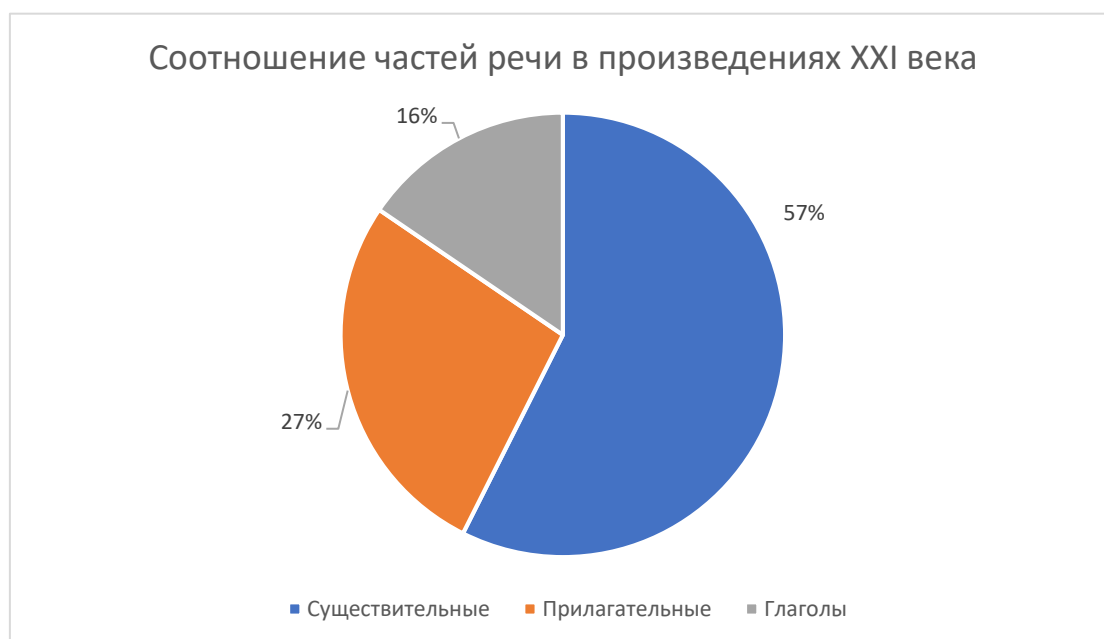

Рис. 3 – Соотношение частей речи в произведениях XXI века

В романах XXI века преобладание существительных может быть объяснено несколькими факторами, связанными со статичностью и особенностями рассмотренной лексико-семантической группы "Еда". Еда как объект обладает относительной статичностью. В отличие от прилагательных и глаголов, которые описывают свойства и действия, существительные отражают названия и конкретные предметы. В романах XXI века, где авторы склонны к описанию среды, персонажей и предметов, существительные являются важным средством передачи образов и атмосферы.

Еда часто несет символическую значимость и является неотъемлемой частью метафорических образов. Существительные могут быть более устойчивыми и богатыми символическими значениями, чем прилагательные или глаголы. Поэтому авторы предпочитают использовать существительные для передачи сложных и многогранных смыслов. Существительные часто используются для создания деталей и конкретных образов, которые способствуют развитию сюжета и персонажей. Они

помогают читателю визуализировать сцены, окружение и предметы. Поэтому авторы в романах XXI века активно используют существительные, чтобы усилить художественное впечатление от произведения.

Графически соотношение категорий ЛСП «Еда» отображено на рисунке 4:

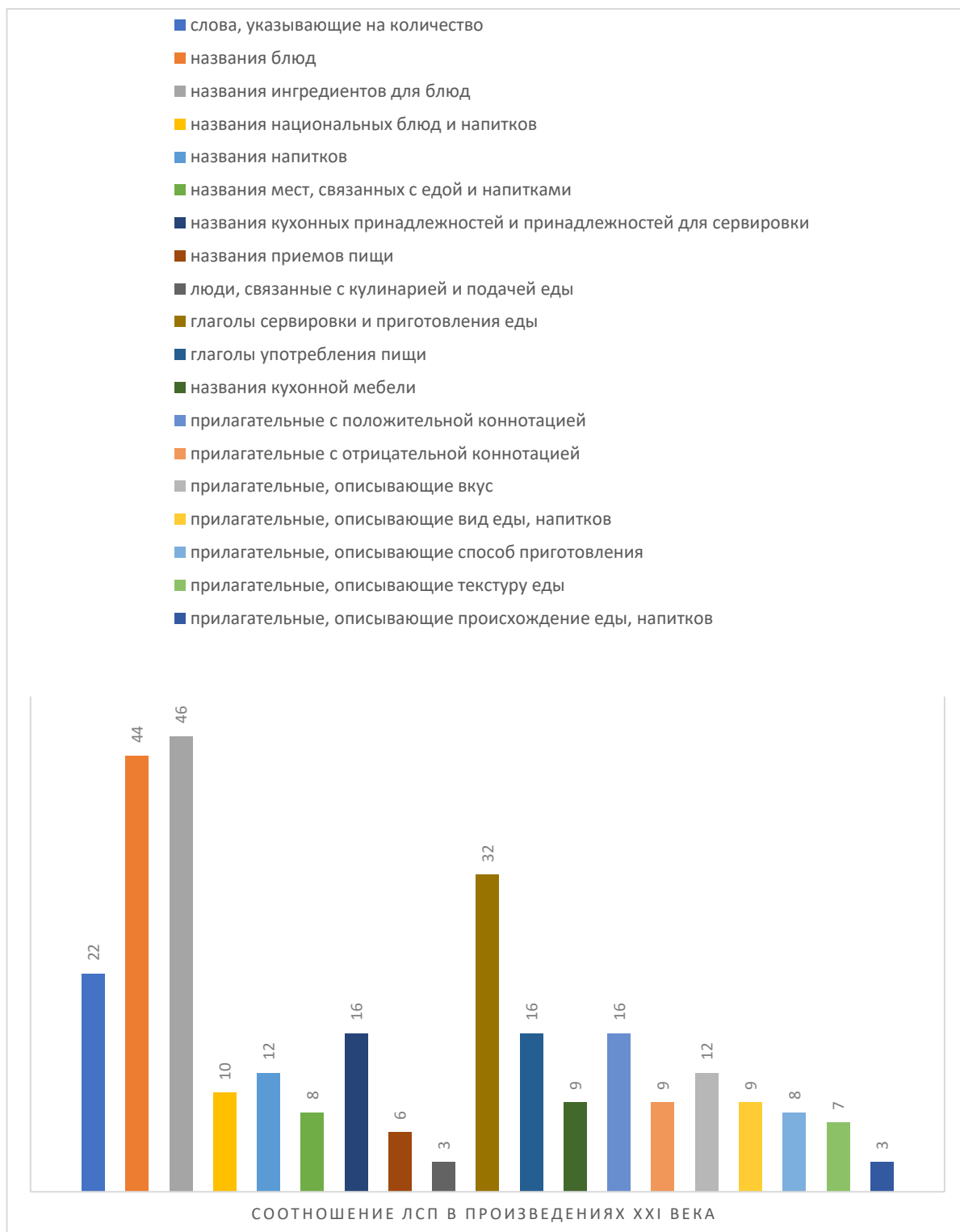

Рис. 4 – Соотношение категорий ЛСП «Еда» в произведениях XXI века

Полученные данные можно объяснить тем, что в XXI веке кулинарная культура продолжает развиваться, и на данный момент доступно большое количество разнообразных ингредиентов для приготовления блюд. Авторы романов могли использовать широкий спектр названий ингредиентов, чтобы создать более детализированные и реалистичные описания пищи.

Развитием кулинарных традиций и гастрономической культуры в XXI веке обусловлено большее количество известных и популярных блюд. Это могло отразиться в увеличении числа названий блюд, используемых авторами в романах.

Все большее внимание уделялось процессу приготовления и сервировки пищи. В романах XXI века могли быть описаны шаги приготовления блюд и специфические действия, связанные с сервировкой.

По предоставленным данным можно заметить некоторые различия в рассмотренном аспекте между рассмотренными произведениями. В романах XIX века было больше лексем, указывающих на количество (30 единиц), по сравнению с романами XXI века (22 единицы). Это может указывать на более детальное описание количества продуктов или составляющих блюд в романах XIX века. В XIX веке были значительные изменения в индустриализации и коммерциализации пищи, поэтому в романах того времени может быть больше акцента на количественных аспектах еды.

В романах XXI века было больше лексем, связанных с названиями блюд (44 единицы) и названиями ингредиентов для блюд (46 единиц). Это может отражать разнообразие и доступность продуктов в XXI веке, а также повышенный интерес к различным кулинарным традициям и гастрономической культуре. В романах XXI века было больше глаголов сервировки и приготовления еды (32 единицы), чем в романах XIX века (25 единиц). Это может указывать на повышенное внимание к процессу приготовления и сервировки пищи в XXI веке, а также на возросший интерес к кулинарным навыкам и традициям.

2.2 Анализ стилистических приемов и средств с участием элементов кулинарного дискурса в художественном дискурсе XIX и XXI веков

Художественная литература является богатым и многогранным источником для изучения различных аспектов человеческой жизни и культуры. Один из таких аспектов, который часто встречается в произведениях мировой классики, – это кулинарный дискурс. Авторы используют различные средства художественной выразительности, чтобы оживить описание пищи, приготовления блюд и питания персонажей.

Одним из выдающихся мастеров художественного слова, включавшего кулинарный дискурс в свои произведения, был Чарльз Диккенс. В романах Диккенса мы находим яркие описания пищи, которые не только создают живые образы и атмосферу, но и служат средством характеристики персонажей и отражения социальных и экономических аспектов викторианской эпохи. Рассмотрим ряд примеров в романе «Большие надежды»:

1) *I had often watched a large dog of ours eating his food; and I now noticed a decided similarity between the dog's way of eating, and the man's.*

В этом отрывке применяется сравнение для создания аналогии между способом питания собаки и способом питания человека. Сравнение позволяет читателю представить себе, как мужчина похож на собаку при приеме пищи, что еще больше раскрывается в следующем примере:

2) *The man took strong sharp sudden bites, just like the dog.*

В данной фразе применяется сравнение для описания способа питания мужчины. Оно подчеркивает, что он делает крупные, резкие и внезапные глотки, аналогично тому, как собака ест. Для читателя это создает негативный, пугающий образ голодного человека.

3) *He swallowed, or rather snapped up, every mouthful, too soon and too fast; and he looked sideways here and there while he ate, as if he thought there was danger in every direction of somebody's coming to take the pie away.*

Здесь используется гипербола. Она выражается в использовании автором особенных глаголов, которые уже имеют в себе преувеличенный смысл. Они отражают скорость поедания еды героя, его жадность до пищи: он глотает (или точнее сказать, заглатывает) каждый кусок слишком быстро, а также осторожно оглядывается вокруг, будто боится, что кто-то может отнять пирог. Таким образом автор акцентирует внимание читателя на голоде и недоедании персонажа.

4) *He crammed what little food was left, into the breast of his gray jacket.*

В этом отрывке используется метафора. Она возникает из сравнения груди пиджака с мешком или хранилищем для еды, так как автор использует характерный глагол «cram» («запихивать», «втискивать»).

5) *Some of his teeth had failed him since I saw him eat on the marshes, and as he turned his food in his mouth, and turned his head sideways to bring his strongest fangs to bear upon it, he looked terribly like a hungry old dog.*

В данном отрывке из произведения Чарльза Диккенса "Great Expectations" мы обнаруживаем использование нескольких тропов. Сравнение применяется для создания образа голодной старой собаки. Путем сравнения мужчины с псом, автор передает его физическую слабость, а также его неутолимый аппетит и взгляд, наполненный жаждой еды. Эта метафора дает читателю четкое представление о внешности и поведении персонажа.

В романе «Оливер Твист»:

1) *Upon this, the parish authorities magnanimously and humanely resolved, that Oliver should be 'farmed,' or, in other words, that he should be dispatched to a branch-workhouse some three miles off, where twenty or thirty other juvenile offenders against the poor-laws, rolled about the floor all day, without the inconvenience of too much food or too much clothing, under the parental*

superintendence of an elderly female, who received the culprits at and for the consideration of sevenpence-halfpenny per small head per week.

В данном отрывке из произведения Чарльза Диккенса "Oliver Twist" мы обнаруживаем использование нескольких тропов. Метафора проявляется в использовании слова "фермерство" для описания отправки Оливера в приют для детей-сирот. Сравнение применяется для описания условий жизни в приюте, где дети проводят время без достаточного питания и одежды. Гипербола используется для преувеличения отсутствия еды и одежды в приюте. Диккенс также использует иронию для их описания: «inconvenience of too much food or too much clothing», что создает для читателя яркий образ старого работного дома, где нет места заботе и доброте.

2) *Sevenpence-halfpenny's worth per week is a good round diet for a child; a great deal may be got for sevenpence-halfpenny, quite enough to overload its stomach, and make it uncomfortable.*

Сумма семи пенсов и полу-пенса считается "хорошим рационом" для ребенка, и автор указывает, что за такую сумму можно получить достаточно пищи, чтобы перегрузить желудок и вызвать дискомфорт, что является иронией и отражает жадность героев.

3) *...for at the very moment when the child had contrived to exist upon the smallest possible portion of the weakest possible food, it did perversely happen in eight and a half cases out of ten, either that it sickened from want and cold, or fell into the fire from neglect, or got half-smothered by accident.*

Здесь используются гипербола для отражения количества и качества еды, которая доступна мальчику, чтобы вызвать в читателях сочувствие и жалость к ребенку.

4) *Don't make your eyes red, Oliver, but eat your food and be thankful.*

В данной фразе используется метонимия. Метонимия проявляется в использовании слова "глаза" вместо уточнения "слезы". Говорящий призывает Оливера есть еду и быть благодарным вместо того, чтобы плакать.

5) ...*that if the master find, upon a short trial, that he can get enough work out of a boy without putting too much food into him, he shall have him for a term of years, to do what he likes with.*

Здесь используется ирония. Она проявляется в том, что автор саркастически указывает, что если работодатель обнаружит, что он может получить достаточно работы от мальчика, не предоставляя ему достаточно пищи, то он будет иметь право использовать его на свое усмотрение, что дает читателю представление о жадности героя.

Всего было проанализировано 310 отрывков, в которых выявлено следующее количество художественных приёмов: ирония (15 единиц), эпитеты (40 единиц), метафоры (23 единицы), олицетворение (20 единиц), сравнения (20 единиц), гиперболы (22 единицы), метонимии (15 единиц), что графически отображено на рисунке 5:

Рис. 5 – Соотношение стилистических приемов и средств с элементами кулинарного дискурса в анализируемых художественных произведениях XIX века

Кулинарные описания, приготовление пищи и общение вокруг стола часто становятся мощным и эмоционально заряженным событием в романах XXI века. Романисты этого периода умело пользуются разнообразными тропами, такими как эпитеты, метафоры, олицетворения, сравнения, гиперболы, метонимии, параллельные и обособленные конструкции, чтобы

донести эстетику, смысл и настроение, связанные с едой и ее приготовлением. В романе «The Sea House» Эстер Фройд:

1) *Lily took a triumphant bite of her toast and, folding Nick's letter into her pocket, she sped across the Green. She'd done it. She'd forced him into writing, and not just a letter, but a love letter.*

Автор использует эпитет «triumphant», чтобы показать какую гордость испытывает героиня. Это проявляется даже в том, как она ест.

2) *When she'd eaten at the Lehmanns', they'd served eel that Lehmann had smoked in his outhouse himself, and afterwards some rice, which was delicious but had only the faintest hint of a taste.*

В данном контексте гипербола («...the faintest hint of taste...») используется для того, чтобы ярче передать вкус блюда.

3) *Potato, she recognized, over again, and chicken, but nothing of the subtleties she hoped lay in between.*

Автор олицетворяет тонкости и нюансы немецкой кухни, представляя их как что-то, что "скрывается между" основными компонентами блюда.

4) *There was a kiosk there that served tea and sandwiches with all the finery of a grand hotel. Tea in a china pot with a jug of milk and another for hot water. Sandwiches cut into triangles and sprinkled with cress. There was even a little vase on her white plastic table, from which sprang a tiny cluster of wild flowers.*

Параллельные конструкции («Tea in a china pot with a jug of milk and another for hot water. Sandwiches cut into triangles and sprinkled with cress») указывают на обилие пищи, а также подчеркивает атмосферу одиночества так как автор акцентирует внимание именно на пище, а не на людях.

5) *Goulash. Even the word was bound to give the evening an exotic ring.*

С помощью обособленной конструкции автор делает акцент на экзотичности блюда, повышает его значимость для читателя.

Роман «Me Before You» Джоджо Мойес:

1) *Later I might take him a drink of water, or one of the calorie-filled drinks that were supposed to keep his weight up and looked like pastel-colored wallpaper*

paste, or give him his food. He could move his hands a little, but not his arm, so he had to be fed forkful by forkful. This was the worst part of the day; it seemed wrong, somehow, spoon-feeding a grown man, and my embarrassment made me clumsy and awkward. Will hated it so much he wouldn't even meet my eye while I was doing it.

В данном примере используется повторение «forkful by forkful», чтобы передать то, как беспомощен герой и заботу со стороны Луизы.

2) *"Depends what happens on this deal. It's all a bit up in the air at the moment. There's still a possibility I might have to be in New York. Nice dinner somewhere Thursday, either way? Your choice of restaurant." His motorbike leathers are on the back of the door, and he reaches for them. She narrows her eyes. "Dinner. With or without Mr. BlackBerry?" "What?" "Mr. BlackBerry makes me feel like Miss Gooseberry." The pout again. "I feel like there's always a third person vying for your attention."*

"Mr. BlackBerry" - здесь олицетворение используется для обозначения мобильного телефона, чтобы подчеркнуть его значимость и влияние на взаимоотношения героев, а также создать юмористический эффект.

3) *I was let go after one of the doughnut girls caught me debating the varying merits of the free toys with a four-year-old. What can I say? She was a smart four-year-old. I also thought the Sleeping Beautys were sappy.*

"Sappy" (липкие, сладкие) - автор использует эпитет для описания игрушек Sleeping Beautys, чтобы выразить свое негативное отношение к ним.

4) *When Granddad had first begun his recovery from his strokes he hadn't been able to do anything for himself. Mum had done it all. "Your mother is a saint," Dad said, which I took to mean that she wiped his bum without running screaming from the house. I was pretty sure nobody had ever described me as such. I cut Granddad's food up for him and made him cups of tea but as for anything else, I wasn't sure I was made of the right ingredients.*

«I wasn't sure I was made of the right ingredients» – автор использует метафору, чтобы описать сомнения героя в своей способности заботиться о

дедушке, сравнивая себя с неправильными ингредиентами для приготовления блюда.

5) *He requires twenty-four-hour care, the majority of which is provided by a trained nurse. I have recently returned to work, and the caregiver would be required to be here throughout the day to keep him company, help him with food and drink, generally provide an extra pair of hands, and make sure that he comes to no harm.*”

В данном примере используется вид метонимии – синекдоха («an extra pair of hands») используется для описания помощника, который будет составлять компанию и помогать с употреблением пищи и напитков.

Всего был проанализирован 171 отрывок, в которых выявлено следующее количество художественных приёмов: ирония (10 единиц), эпитеты (30 единиц), метафоры (34 единицы), олицетворение (15 единиц), сравнения (36 единицы), гиперболы (12 единиц), метонимии (15 единиц), параллельные конструкции (10 единиц), обособленные конструкции (3 единицы), что графически отображено на рисунке 6:

Рис. 6 – Соотношение стилистических приемов и средств с элементами кулинарного дискурса в анализируемых художественных произведениях XXI века

В результате анализа отрывков, мы обнаружили разнообразные художественные тропы, используемые в текстах. Ирония, эпитеты, метафоры, олицетворение, сравнения, гиперболы, метонимии, параллельные конструкции и обособленные конструкции играют важную роль в создании художественной выразительности в данных произведениях. Каждый из этих тропов вносит свой вклад в формирование образов, передачу эмоций и раскрытие смысловых аспектов. Их разнообразие и использование способствуют созданию богатой и живой текстовой атмосферы. В произведениях XIX века преобладает использование эпитетов, метафор и гипербол, тогда как в произведениях XXI века авторы уделяют большее внимание метафорам и сравнениям. В обоих случаях метафора является одним из наиболее используемых средств выразительности, что обусловлено ее смыслообразующей функцией. Метафора служит инструментом донесения скрытых смыслов до читателя, она всегда является актуальной. Преобладание эпитетов в литературе XIX века объясняется тем, что авторы того времени больше внимания уделяли детальному описанию, жизнь тогда была более медленной. В то время как литература XXI века стремится к более высокой скорости развития событий, чтобы читатель не терял интерес. Образность произведениям XXI века придают сравнения и метафоры, которые более эффективны в передаче эмоций и ассоциаций, чем эпитеты. Сравнения могут создавать более неожиданные и оригинальные образы, которые вызывают более яркие эмоции у читателей.

2.3 Функции кулинарного дискурса в художественном дискурсе

Проведя анализ фрагментов кулинарного дискурса в художественном дискурсе, мы пришли к следующему заключению. Кулинарный дискурс в рамках художественного дискурса имеет следующие функции:

- 1) создание атмосферы произведения,
- 2) раскрытие личности персонажа,

- 3) отражение скрытых смыслов с помощью символичности,
- 4) создание образа эпохи,
- 5) экзистенциальная,
- 6) социальная.

1. Создание атмосферы произведения в основном происходит посредством описания пейзажа, погоды, интерьера. В нашей работе мы обратили внимание на то, как лексические единицы, относящиеся к кулинарному дискурсу, выполняют эту функцию. В произведениях XIX века нами было выделено 40 единиц примеров создания атмосферы в литературном произведении.

В работе Чарльза Диккенса «Приключения Оливера Твиста» кулинарные термины по большей части создают атмосферу бедности (12 единиц), что характерно для сюжета книги: «...and issued three meals of thin gruel a day, with an onion twice a week, and half a roll of Sundays». Бедность проявляется в описании скудного приема пищи. Ее ничтожный образ усиливает прилагательное «thin», которое в данном контексте имеет отрицательную коннотацию так как описывает пищу как водянистую и неаппетитную. А тот факт, что сирот кормят только три раза в день подобной пищей, подчеркивает нехватку ресурсов. Также, стоит обратить внимание на количественный аспект, который подчеркивает то, как мало пищи дают детям. Артикль характерный для единственного числа существительных «an» в «an onion» подчёркивает то, что детям дают лишь один единственный лук два раза в неделю. «Half» в «half a roll» также указывают на малое количество пищи, мальчику достается лишь половина булочки. Это подчеркивает бедность и лишения, с которыми сталкиваются сироты.

Также, с помощью лексики кулинарного дискурса в произведении создается атмосфера богатства, комфорта (9 единиц): «The cloth was laid for supper; the table was covered with bread and butter, plates and glasses; a porter-pot and a wine-bottle». Сервировка стола говорит о состоятельности героев.

Перечисление всех блюд и напитков наводит на мысль о том, что герои собираются насладиться обильной и сытной трапезой. Некоторые существительные стоят в форме множественного числа (plates and glasses). Также, стоит обратить внимание на преувеличение в данном примере (the table was covered with bread and butter). Данные приемы создают впечатление богатства, избытка, что контрастирует с темой бедности и лишений в романе.

В целом, в данном произведении, с помощью кулинарного дискурса, в основном создается атмосфера бедности, лишений и отчаяния. Использование специфических деталей и акцент на отсутствии надлежащей посуды и необходимости полировать миски ложками создают яркий образ места, где сироты вынуждены жить в крайней нищете. Кроме того, в романе, бедность постоянно противопоставляется богатству и зажиточности.

Другая работа Чарльза Диккенса «Большие надежды» также содержит лексику, принадлежащую кулинарному дискурсу. В отличие от «Приключений Оливера Твиста», в данном произведении преобладает атмосфера процветания, комфорта (14 единиц): «We had a hot supper on the occasion, graced by the inevitable roast fowl, and we had some flip to finish with.». Метафора «graced by the inevitable roast fowl» предполагает, что жареная птица является традиционной и ожидаемой частью приема пищи, при этом, автор иронично использует эпитет «inevitable», который может указывать на то, что персонажам уже наскучило данное блюдо, хотя они продолжают включать его в свои приемы пищи. Прилагательное с положительной коннотацией «hot» создает для читателя позитивный образ. Также, автором используется перечисление блюд, что указывает на обильность еды. Аллитерация, то есть повторение согласного звука, в данном случае f: «fowl», «flip», «finish» создает музыкальный эффект, атмосферу уюта.

Атмосфера напряжения (6 единиц): «There was a supper-tray after we got home at night, and I think we should all have enjoyed ourselves, but for a rather disagreeable domestic occurrence.» Модальный глагол should + perfect

infinitive указывает на желаемое, но неосуществившееся действие. Герои предвкушали приятный вечер, но он был нарушен неожиданным происшествием. Также, упоминание supper-tray создает для читателя ожидание чего-то уютного и комфортного, но эти ожидания не оправдываются, что оставляет в напряжении.

В данном произведении через кулинарный дискурс по большей части проявляется атмосфера богатства и достатка. Особенно подчеркиваются различия в социальных классах, включая контраст прошлой жизни Пипа с его нынешней. Автор делает акцент на качестве еды и напитков, говоря о зажиточном классе.

Графически соотношение примеров, где создается атмосфера с помощью кулинарного дискурса в произведениях XIX века отражено на рисунке 7:

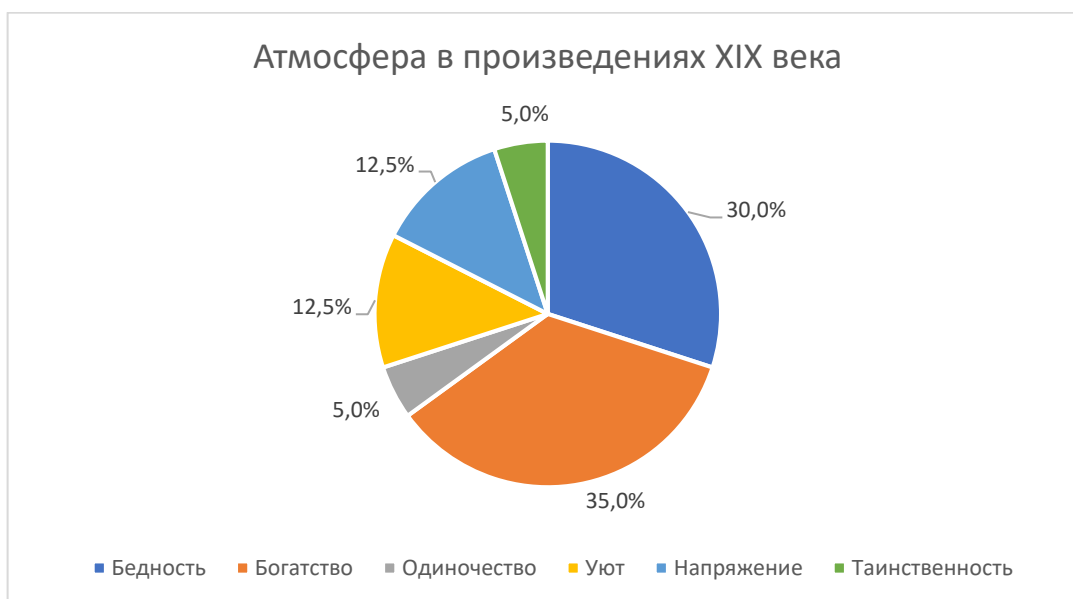

Рис. 7 – Соотношение примеров создания атмосферы с помощью кулинарного дискурса в произведениях XIX века

Кулинарный дискурс для создания атмосферы не теряет своей важности со временем. В своем романе 2004 года «The Sea House», Эстер Фройд тоже использует данную лексику с этой целью. В равной мере создается:

Праздничная атмосфера (12 единиц): «Half an hour later the room was full of noise. There were plates of smoked salmon bagels and bowls of vegetable

crisps, pistachio nuts and small dried Hunza apricots sprinkled round the room. The flowers had been arranged on every available surface. They looked festive, Christmassy even, with their red and green». Перечисление множества изысканных блюд на столе дарит читателю чувство предстоящего праздника. Также, множественное число существительных создает впечатление изобилия еды.

Уютная атмосфера (9 единиц): «Max fell asleep and immediately dreamt of houses. A whole village with all the living-rooms outside. The tables, the chairs, the coal scuttles, the people peeling their potatoes, washing up. Men and women, without the secret panels of their walls, playing cards, cooking and working, talking to the others as they passed by. ». Перечисление вещей, людей вокруг создает впечатление рутины, также как и продолжительные формы глаголов, которые указывают на типичные повторяющиеся действия, протекающие каждодневно и характеризующие устоявшийся быт и атмосферу благополучия. Обилие еды часто является частью атмосферы уюта.

Экзотическая атмосфера (4 единицы): «There was a delicatessen in the market square that sold fresh parmesan, black pasta, Greek yoghurt and organic crisps». Создается с помощью упоминания названий экзотических продуктов. Использование прилагательных «fresh» при описании пармезана и «organic» при описании чипсов акцентируют внимание на качестве продуктов, тогда как упоминание греческого йогурта и черной пасты добавляют ощущение интернациональности и разнообразия. Перечисление этих продуктов также создает впечатление, что на рынке можно приобрести все, что угодно.

Атмосфера одиночества (3 единицы): «She was the only person eating on the sea front, although the hardier pensioners still strolled up and down». Упоминание персонажа в подобном окружении наводит на мысль о том, что героиня отделена от остального мира. «Hardier pensioners stroll up and down» подчеркивает то, что она единственная, кто находится в одиночестве.

В целом, в данном произведении атмосфера, созданная с помощью кулинарного дискурса, – это атмосфера тепла и праздника, когда герои собираются вместе, чтобы насладиться хорошей едой и компанией в приятной обстановке.

В романе Джоджо Мойес «Me Before You» 2012 года мы также можем наблюдать создание атмосферы посредством лексики кулинарного дискурса.

В данном произведении наиболее выражена атмосфера уюта (18 единиц): «I loved the fact that every element of supper—from roast chicken to chocolate mousse—was my favorite. I liked the fact that I could be who I wanted to be without my sister’s voice reminding me of who I had been». С помощью предлогов «from...to» при назывании блюд, читатель понимает, что на столе было большое разнообразие еды. Автор подчеркивает, что это любимые блюда героини, что создает чувство комфорта и того, что все вокруг знакомо. Определитель «every» перед «element of supper» наводит на мысли о том, что девушка была приятно взволнована перед ужином с близкими. Параллельные конструкции «I loved the fact that...», «I liked the fact that...» подчеркивают то, какое удовольствие испытывала героиня в предвкушении ужина.

Атмосфера счастья (13 единиц): «Our days fell into a pattern. We ate breakfast together, all three of us, at the gently shaded tables around the pool. Will usually had fruit salad, which I fed to him by hand, and sometimes followed up with a banana pancake as his appetite grew». Автор делает акцент на том, что герои все вместе завтракали, а человек зачастую счастлив в обществе. Если герои делят прием пищи, то они доверяют друг другу. Эпитет «gently shaded» для описания столов создает впечатление, что данное место располагает к расслаблению и комфорту.

Мечтательная атмосфера (4 единицы): «I could see myself in that café. I was there, at that table, maybe admiring a new pair of French shoes, purchased in a chic little boutique, or picking at a pastry with Parisian red fingernails. I could taste the coffee, smell the smoke from the next table’s Gauloises». Условная

форма глагола *can* обращает внимание читателя на то, что главная героиня находится в своих мечтах, а параллельные конструкции с этим глаголом «*I could...*» подчеркивают то, что Кларк взволнована только думая об этом, и как сильно ей хочется оказаться там. Продолжительные формы глаголов указывают на то, что героиня хочет продлить все эти моменты: «...*admiring a new pair of French shoes...*», «...*picking at a pastry...*». С помощью глаголов «*taste*», «*smell*» автор заставляет читателя погрузиться в атмосферу и как бы самому «попробовать на вкус» и «почувствовать запах». Создается образность момента.

Атмосфера дискомфорта (5 единиц): «*I had always thought the fortnightly meetings of the Hailsbury Triathlon Terrors must be a publican's worst nightmare. I was the only one drinking alcohol, and my solitary packet of crisps sat crumpled and empty on the table. Everyone else sipped at mineral water, or checked the sweetener ratios on their Diet Cokes. When, finally, they ordered food, there wouldn't be a salad that was allowed to brush a leaf against a full-fat dressing, or a piece of chicken that still sported its skin. I often ordered chips, just so that I could watch them all pretend they didn't want one*». Главная героиня посещает собрание "Ужасов триатлона Холсбери", где она единственная пьет алкоголь и ест чипсы. Автор противопоставляет других участников, которые сосредоточены на своих строгих диетах и здоровом образе жизни, героине, создавая чувство дискомфорта и изоляции. Эпитеты «*solitary*», «*crumpled*», «*empty*» также иронично подчеркивают данную атмосферу. Кроме того, писательница обращает внимание на детали той еды, которую употребляют другие герои: «*sweetener ratios*», «*mineral water*». Это создает впечатление, что данная группа людей помешана на здоровом образе жизни.

Так как роман легкий по атмосфере, автор делает акцент на комфорте и уюте. Описания приготовления пищи и ее потребления создают ощущение теплоты. В данном романе еда – это то, что объединяет людей. Также, читатель может заметить, что с помощью кулинарного дискурса создается некий контраст между жизнью Луизы и жизнью Уилла, так как Уилл

изначально был из состоятельной семьи в отличие от Кларк. Особенно это заметно в описании праздничного обеда на день рождения Луизы и описании обеда Уилла и героини в ресторане. В целом, в романе преобладает атмосфера комфорта и уюта.

Графически соотношение примеров, где создается атмосфера с помощью кулинарного дискурса в произведениях XXI отражено на рисунке 8:

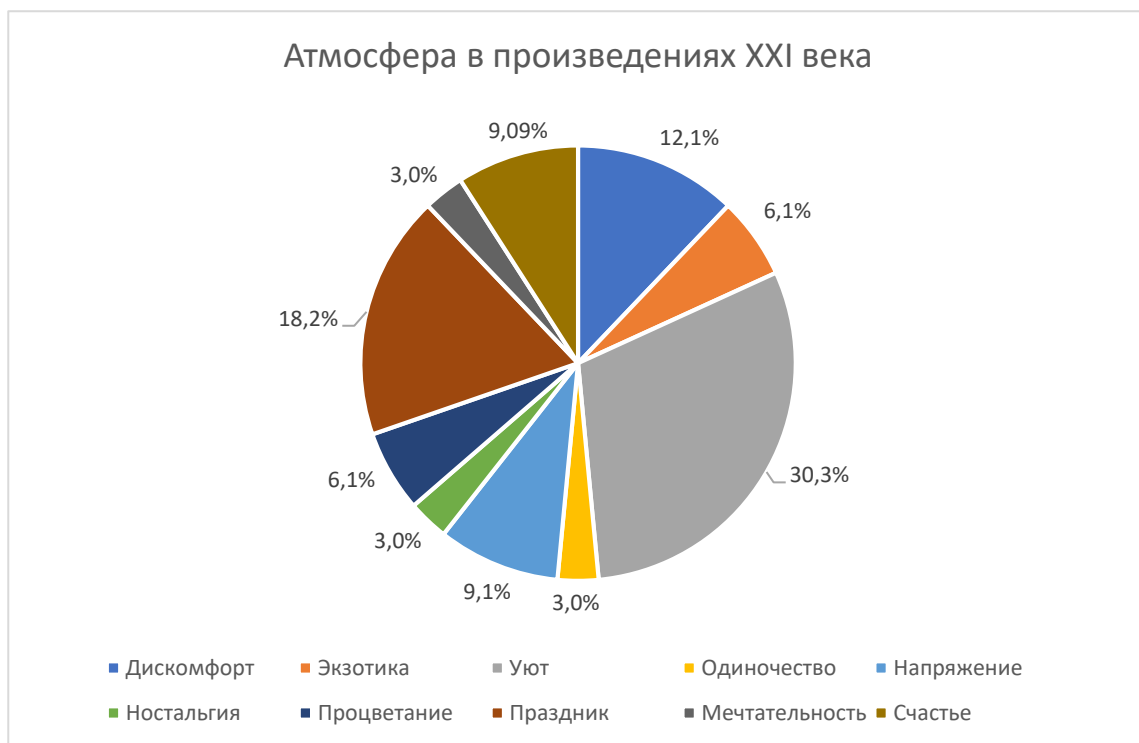

Рис. 8 – Соотношение примеров создания атмосферы с помощью кулинарного дискурса в произведениях XXI века

На основе проведенного анализа мы можем сделать вывод, что использование лексики кулинарного дискурса для создания атмосферы произведения или отдельной сцены меняется от произведения к произведению.

В литературе XXI века авторы более активно используют кулинарный дискурс для создания атмосферы. Это обусловлено тем, что еде в XXI веке стало уделяться больше внимания. Теперь она не столько ассоциируется с социальным расслоением, сколько с уютом, то есть вызывает у читателя положительные эмоции. Кроме того, авторы вынуждены создавать все

более яркие образы и обстановку в своих произведениях, потому что книги конкурируют с телевидением и интернетом.

2. Следующей важной функцией кулинарной поэтики является толкование персонажа, раскрытие его характера. Еда, которую обычно употребляет герой, может многое рассказать о его характере, привычках, материальном положении.

В романе Чарльза Диккенса «Приключения Оливера Твиста» через кулинарный дискурс проявляется жадность (15 единиц): «...that if the master find, upon a short trial, that he can get enough work out of a boy without putting too much food into him, he shall have him for a term of years, to do what he likes with». В данном примере владелец работного дома представлен как жадный человек, который хочет, чтобы мальчик выполнял работу за недостаточное количество еды. Это показывает, насколько герой помешан на своей собственной выгоде. Автор использует иронию («without putting too much food into him»), чтобы показать, что люди из работного дома с насмешкой относятся к подопечным. Оливер и все сироты настолько находятся во власти других, что даже процесс приема пищи зависит не от них.

Щедрость (12 единиц): «“Good boy,” said Mr. Brownlow, stoutly. “Have you given him any nourishment, Bedwin? Any slops, eh?”

“He has just had a basin of beautiful strong broth, sir,” replied Mrs. Bedwin: drawing herself up slightly, and laying strong emphasis on the last word: to intimate that between slops, and broth well compounded, there existed no affinity or connection whatsoever». И хотя оба персонажа – мистер Браунлоу и миссис Бедвин – являются щедрыми, в данном примере именно миссис Бедвин проявляет наибольшую заботу и щедрость в отношении Оливера. Эпитеты «beautiful» «strong» для описания бульона подчеркивают, что это были не просто помои, а действительно питательная похлебка. Количественное «a basin of» указывает на то, что мальчику дали довольно много бульона, а не остатки чего-либо.

Отчаянность (12 единиц): «The gruel disappeared; the boys whispered each other, and winked at Oliver; while his next neighbors nudged him. Child as he was, he was desperate with hunger, and reckless with misery. He rose from the table; and advancing to the master, basin and spoon in hand, said: somewhat alarmed at his own temerity: “Please, sir, I want some more” ». Автор использует лексические единицы *basin* и *spoon* в описании того, как выглядит Оливер. А также параллельные конструкции («he was desperate with hunger, and reckless with misery»). Для читателя создается образ бедного несчастного мальчика. При этом Оливер проявляет смелость, отчаянность и вежливо просит добавки: “Please, sir, I want some more”.

Высокомерие: «“Oh, you queer soul!” said Charlotte, bursting into a hearty laugh, in which she was joined by Noah; after which they both looked scornfully at poor Oliver Twist, as he sat shivering on the box in the coldest corner of the room, and ate the stale pieces which had been specially reserved for him». Ной и Шарлотта смеются над Оливером и его несчастьями. Это подчеркивается, в том числе, и с помощью лексики кулинарного дискурса. Прилагательное «*stale*» для описания тех крошек, которые ему дали, указывает на пренебрежение со стороны Ноя и Шарлотты. Автор использует иронию: «*which had been specially reserved for him*». Ожидается, что «*specially reserved*» – это вкусная, аппетитная еда; но Оливеру достаются лишь черствые куски хлеба. Внимание читателя акцентируется на том, что к Оливеру относятся несправедливо и с высокомерием.

Жадность – одна из главных тем в данном романе, поэтому эта черта проявляется во многих персонажах: Фэджин, Сайкс, миссис Корни, мистер Бамбл и другие. Еда часто используется как символ жадности и эгоизма. Им противопоставлена щедрость, которая также проявляется в героях через кулинарный дискурс. Герои, которые изображаются как щедрые часто имеют и такие качества как добродетель и благородство, и предлагают Оливеру более питательную еду, чем ту, к которой он привык. Их поступки контрастируют с жадностью отрицательных персонажей романа.

В следующем изучаемом романе – «Большие надежды» Чарльза Диккенса – ярко описана жадность (14 единиц):

«The man took strong sharp sudden bites, just like the dog. He swallowed, or rather snapped up, every mouthful, too soon and too fast; and he looked sideways here and there while he ate, as if he thought there was danger in every direction of somebody's coming to take the pie away. He crammed what little food was left, into the breast of his gray jacket». Автор сравнивает человека с собакой, которая вгрызается в еду, которую ей дают. Эпитеты «strong sharp sudden» подчеркивают эту особенность потребления пищи. Глаголы «swallowed», «snapped up» в какой-то мере преувеличены, чтобы произвести еще больший эффект на читателя, заставить его подумать, что он смотрит не на человека, а на животное. Автор также отмечает манеру поведения человека, его боязнь, что еду заберут («...as if he thought there was danger in every direction of somebody's coming to take the pie away»), используя сравнение.

Щедрость (10 единиц): «I promised myself that I would do something for them one of these days, and formed a plan in outline for bestowing a dinner of roast-beef and plum-pudding, a pint of ale, and a gallon of condescension, upon everybody in the village». В данном примере перечисляются несколько видов пищи («a dinner of roast-beef and plum-pudding, a pint of ale»), что говорит о том, что Пип не пожалел бы денег, чтобы накормить жителей. Также, романы Диккенса полны иронии. Читатель может заметить ее в использовании зевгмы: «and a gallon of condescension». Пип хочет угостить жителей деревни не только ростбифом, но и галлоном снисходительности. Герой жалеет их, потому что им приходится ходить в церковь по субботам и воскресеньям, что тоже иронично и создает юмористический эффект.

В романе «Большие Надежды» лексика кулинарного дискурса используется автором для раскрытия личностей персонажей. То, как герои едят, пьют, готовят и употребляют еду и говорят о ней, отражает не только черты характера, но и социальный статус.

Графически соотношение примеров, где раскрывается персонаж с помощью кулинарного дискурса в произведениях XIX века отражено на рисунке 9:

Рис. 9 – Соотношение примеров раскрытия персонажа с помощью кулинарного дискурса в произведениях XIX века

В работе Эстер Фройд «The Sea House» в основном раскрывается забота и доброта персонажей (14 единиц): «Gertrude was waiting for him at the bottom of the stairs. “Will you eat?” she asked, and together, just as he and Kaethe used to do, they worked side by side, cutting and mixing, spooning and stirring, knocking their shoulders against each other companionably as they prepared their evening meal». «Will you eat?» - вопрос с заботой. Глаголы в продолжительной форме («cutting and mixing, spooning and stirring») дает читателю ощущение того, что процесс готовки – бесконечный процесс, которым наслаждаются герои. Также, на бесконечность указывает повторяющийся союз «and», то есть многосоюзию.

Аккуратность (4 единицы): «He took his bowl through to the kitchen and very thoroughly washed it out». Наречиями «very thoroughly» автор обращает внимание читателя на то, какое внимание персонаж уделяет деталям. Он не

просто оставил посуду в раковине, но помыл ее. Использование глагола «wash», а не «clean» или «rinse» еще больше подчеркивает то, насколько тщательно персонаж помыл миску.

В данном романе лексика кулинарного дискурса в меньшей степени используется для раскрытия персонажей, в сравнении с литературой XIX века. Больше всего через еду, напитки выражается забота. Описания блюд и напитков, а также привычки персонажей в еде и кулинарные навыки помогают создать яркое и захватывающее впечатление от чтения. Использование кулинарного дискурса в романе придает повествованию глубину и сложность.

В романе Джоджо Мойес «До Встречи с Тобой» через кулинарный дискурс тоже раскрывается такая черта как доброта, забота (15 единиц): «When Granddad had first begun his recovery from his strokes he hadn't been able to do anything for himself. I cut Granddad's food up for him and made him cups of tea but as for anything else, I wasn't sure I was made of the right ingredients». Несмотря на то, что Луиза не была уверена в правильности ингредиентов, она делала все, чтобы проявить заботу к дедушке. Множественное число «cups» показывает, что Кларк долго ухаживала за ним.

Избирательность (13 единиц): «“All right, all right. I'll take the bloody carrots off, if they really upset you so much.” “It's not the bloody carrots that upset me. It's having them sneaked into my food by a madwoman who addresses the cutlery as Mr. and Mrs. Fork.” “It was a joke. Look, let me take the carrots and –” He turned away from me. “I don't want anything else. Just do me a cup of tea.” He called out after me as I left the room, “And don't try and sneak a bloody zucchini into it.” ». Автор использует иронию, чтобы создать юмористический эффект и, в то же время, раскрыть персонажей: использование глагола «sneak», обращение к вилкам «Mr. и Mrs. Fork», что является олицетворением. Джоджо Мойес знакомит читателя не только с особенностью характера Уилла, но и со странностью Кларк, которая

обращается к посуде по именам. Уилл также просит не класть кабачки ему в чай, что является кульминацией сцены.

Настойчивость: «It was part deference to Mrs. Traynor, part force of habit. I was so used to feeding Thomas, whose vegetables had to be mashed to a paste and hidden under mounds of potato, or secreted in bits of pasta. Every fragment we got past him felt like a little victory». С помощью определителя every автор делает акцент на том, что каждый кусочек был важен и сравнивает это с маленькой победой.

В данном романе описания блюд и напитков играют большую роль в раскрытии персонажей, особенно главных – Луизы Кларк и Уилла – так как Уилл инвалид и в задачи Луизы входило приготовление еды для героя. Прием пищи Уилла также зависел от Луизы. Кулинарный дискурс помогает создать яркие образы персонажей, тем самым увлекая читателя.

Графически соотношение примеров, где раскрывается персонаж с помощью кулинарного дискурса в произведениях XXI века отражено на рисунке 10:

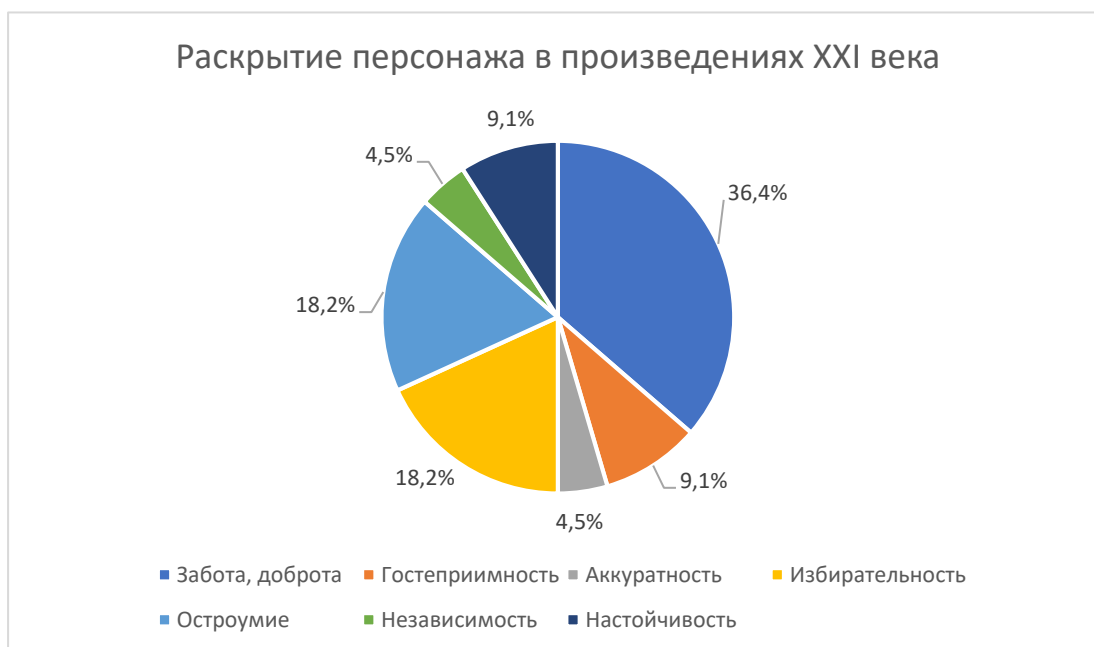

Рис. 10 – Соотношение примеров раскрытия персонажа с помощью кулинарного дискурса в произведениях XXI века

На основе проведенного анализа можно сделать вывод, что персонажи раскрываются в рамках кулинарного дискурса более активно в литературе

XIX века по сравнению с литературой XXI века. В XIX веке самые популярные раскрываемые черты – это жадность и щедрость, противопоставленные друг другу, в XXI веке – забота, доброта. Это обусловлено тем, что в XIX веке было четкое разделение на богатых и бедных, а значит и жадность с щедростью проявлялись сильнее. Также, не каждому была доступна разнообразная еда и напитки. В современности граница между богатыми и бедными стала более размытой, еда стала больше связана с уютом, а не с разделением общества. Кроме того, в XIX веке больше раскрываются негативные черты персонажей, тогда как в литературе XXI века позитивные. Литература, в целом, приобрела более легкий характер, социальные проблемы уже стоят не так остро.

Суммируя все вышесказанное, мы можем утверждать, что, несмотря на единичные вкрапления кулинарный дискурс играет важную роль во всех элементах художественного произведения: создании атмосферы, раскрытии персонажей, выделении особенностей эпох и т.д.

3. Следующей функцией кулинарного дискурса в художественном дискурсе является создание образа эпохи. Для этого используются описания блюд, кулинарных традиций и обычаев, связанных с определенным временем и местом. Например, описание традиционных блюд и способов приготовления в романах о XIX веке может помочь создать образ эпохи, отражая тенденции и вкусы того времени. Упоминание блюд, которые были популярны в определенной эпохе создает образ жизни и культуры того времени.

В нашей работе мы подсчитали количество упоминаемых блюд в каждой из эпох, описания сервировки, а также места приема пищи.

Графически соотношение блюд XIX и XXI веков представлено на рисунке 11:

Рис. 11 – Соотношение разнообразия блюд и продуктов в литературе XIX и XXI веков

Данное соотношение можно объяснить тем, что кулинарная культура и традиции изменились со временем. Сегодня люди имеют доступ к большему разнообразию продуктов и кулинарных технологий, чем в прошлом. Кроме того, кулинарная культура стала более многообразной и международной, что отражается в литературе. Современные авторы могут использовать кулинарный дискурс, чтобы создать более реалистичные и разнообразные образы персонажей и мест действия. Кроме того, кулинарный дискурс может быть использован для создания атмосферы и настроения, а также для отражения социальных и культурных тенденций. В целом, изменения в кулинарной культуре и традициях отражаются в литературе, и это может быть отражено в количестве упоминаний блюд в разных эпохах.

Соотношение количества мест приема пищи графически представлено на рисунке 12:

Рис. 12 – Соотношение разнообразия мест приема пищи в литературе XIX и XXI веков

На данной диаграмме мы видим, что в литературе XIX века меньше мест приема пищи, чем в литературе XXI века. Общество того времени было менее мобильным и менее развитым в плане гастрономической культуры. В XIX веке большинство людей ели дома, и рестораны были редкостью, доступной только богатым слоям общества. Кроме того, тогда было меньше возможностей для путешествий и знакомства с различными кухнями и культурами. В литературе того времени упоминания о еде и местах приема пищи были связаны с социальным статусом персонажей и использовались для создания атмосферы и настроения. В XXI веке ситуация изменилась. Современные люди более мобильны и имеют больше возможностей для путешествий и знакомства с различными культурами и кухнями. Рестораны и кафе стали более доступными и разнообразными, и это отражается в литературе. Современные авторы могут использовать места приема пищи, чтобы создать более реалистичные и разнообразные образы персонажей и мест действия.

Соотношение количества описаний сервировки представлено на рисунке 13:

Рис. 13 – Соотношение количества описаний сервировки стола в литературе XIX и XXI веков

В литературе XXI века описания сервировки стола распространены больше, чем в литературе XIX века. Вероятно, это происходит потому, что в современном обществе больше внимания уделяется эстетике и визуальному впечатлению. Сервировка стола стала важным элементом гастрономической культуры, и многие рестораны и кафе уделяют большое внимание деталям при сервировке блюд. Описания сервировки стола могут использоваться для создания атмосферы и настроения, а также для отражения социальных и культурных тенденций.

В литературе XIX века сервировка стола не была столь важным элементом гастрономической культуры, и описания еды и напитков были более функциональными, чем эстетическими. Кроме того, в 19 веке большинство людей ели дома, и сервировка стола была менее важна, чем в ресторанах и кафе.

В целом, изменения в культуре и традициях отражаются в литературе, и это может быть показано в количестве описаний сервировки стола, разнообразии блюд и количестве мест для приема пищи в разных эпохах.

4. Следующая функция кулинарного дискурса в художественном дискурсе – это отражение скрытых смыслов с помощью символичности.

Символизм может быть использован для отражения социального класса, к которому принадлежат персонажи; для раскрытия моральных и этических идей, а также для привлечения внимания к глобальным проблемам.

В изучаемых нами романах мы проанализировали несколько самых ярких символов. В романе «*Oliver Twist*» Чарльза Диккенса символическое значение имеет «*gruel*» (жидкая, водянистая каша, которую часто подавали в работных домах и тюрьмах в качестве дешевой и скудной формы питания). «*Gruel*» часто упоминается в романе как еда, которую употребляет Оливер в работном доме: “...and issued three meals of thin gruel a day, with an onion twice a week, and half a roll of Sundays.” «*Gruel*» часто окружено прилагательными с отрицательной коннотацией или существительными, которые показывают небрежность и безразличное отношение: “*stray splashes of gruel*”, “*thin gruel*”. Каша описывается как безвкусная и неаппетитная, Оливер всегда остается голодным. Таким образом, «*gruel*» выступает как символ суровых и угнетающих условий, в которых были вынуждены жить сироты. Упоминание этой каши также символизирует жадность и бессердечие вышестоящих, которые ответственны за благополучие этих детей. Чиновники работных домов и состоятельные члены общества, поддерживающие эту систему, больше озабочены экономией денег, чем обеспечением детей питанием. В целом, «*gruel*» в данном романе является мощным символом бедности, угнетения и безнадзорности, которые характеризовали жизнь многих бедных и осиротевших детей в Викторианской Англии. Это служит напоминанием о необходимости социальных реформ и важности сострадания и сопереживания по отношению к тем, кому повезло меньше.

В романе «*Great Expectations*» достойным внимания символом является «*a bride-cake*» Мисс Хэвишем. С одной стороны, он является символом социального статуса и богатства. В XIX веке только состоятельные люди могли себе позволить устроить роскошную свадьбу и накрыть стол. Торт описывается как «великолепный»: “*It’s a great cake. A*

bride-cake. Mine!". С другой стороны, Мисс Хэвишем цепляется за атрибуты своей прежней жизни, пытаясь сохранить свой статус и богатство после предательства. Пип описывает торт прилагательным с отрицательной коннотацией «rotted»: "She was then just abreast of the rotted bride-cake". Свадебный торт символизирует пустоту и тщетность жизни мисс Хэвишем. Она настолько поглощена своим желанием отомстить мужчинам, что потеряла связь с реальностью. Торт для невесты, с его изысканными украшениями и дорогими ингредиентами, является символом ее прежней жизни и ее неспособности расстаться с прошлым.

В романе Эстер Фройд «The Sea House» символическое значение имеет «eel» и блюда, приготовленные с ним. Он является символом связи персонажей с морем и миром природы, а также их стремления к чему-то большему в своей жизни, к чему-то экзотическому и волнующему.

Угорь также символизирует связь персонажей между собой. В романе герои часто едят вместе, и угорь – это блюдо, которым делятся и которым наслаждаются вместе. Он часто упоминается, когда персонажи собираются вместе. Например: "When she'd eaten at the Lehmanns', they'd served eel that Lehmann had smoked in his outhouse himself, and afterwards some rice, which was delicious but had only the faintest hint of a taste."; "They'd had a party to celebrate on the twenty-first of June, a midsummer party out of doors, and his mother and Helga's had each made a tureen of eel. Eel cooked with onion, flour and water so that the chunks of grey flesh sat in a transparent stew."

В целом, угорь в "The Sea House" является мощным символом связи персонажей с морем и миром природы, а также символом общности.

В романе «Me Before You» Джоджо Мойес символом выступает «a cup of tea». Он отражает внутренний мир главной героини Луизы, ее наивность и искренность. Также, чашка чая символизирует усилия Луизы установить контакт, проявить заботу: "I brought him a cup of tea one morning to find him reading about the young football player –a detailed feature about the steps he had gone through to bring about his own death."; "I cut Granddad's food up for him

and made him cups of tea but as for anything else, I wasn't sure I was made of the right ingredients.” Кроме того, чашка чая также символизирует связь персонажей с их британской культурой и традициями. Чай является одним из основных продуктов британской культуры и часто ассоциируется с комфортом и уютом. Это отражает стремление персонажей к общению и их потребность в комфорте и поддержке.

5. Следующая функция кулинарного дискурса в художественном дискурсе – это экзистенциальная функция. Экзистенциальная функция в отношении к еде исключительно как к средству существования. В литературе это может быть показано с помощью небрежных описаний приемов пищи, отсутствием деталей. Особенно ярко эта функция реализуется в художественных текстах XIX века так как в то время разнообразная и вкусная пища была доступна ограниченной группе людей, а именно представителям зажиточного класса. Чем меньший статус имел человек в обществе, тем скуднее ел, соответственно описания еды не были отмечены деталями. Кулинарный дискурс для литературы XIX века важен с точки зрения разделения общества на классы. Авторы использовали элементы кулинарного дискурса, чтобы дать читателю понять, о богатом или о бедном человеке идет речь.

В романе Чарльза Диккенса «Приключения Оливера Твиста» еда, которую потребляет мальчик не отличается разнообразием: «...and issued three meals of thin gruel a day, with an onion twice a week, and half a roll of Sundays». В описании приема пищи используется лишь прилагательное с отрицательной коннотацией «thin». В данном контексте оно приобретает негативную коннотацию. А также акцентируется внимание на количестве еды, которое получает герой.

«Of this festive composition each boy had one porringer, and no more--except on occasions of great public rejoicing, when he had two ounces and a quarter of bread besides». В данном примере мы находим только меру, но

никаких деталей о еде. Это говорит читателю о том, что главная функция еды для героя – это поддержание жизни.

В «Больших Надеждах» элементы кулинарного дискурса выполняют экзистенциальную функцию в описании еды, которую главный герой решает принести заключенному: «I said that I would get him the file, and I would get him what broken bits of food I could, and I would come to him at the Battery, early in the morning». Скучное описание еды говорит читателю о том, что даже «broken bits of food» будет достаточно для человека, который не ел большое количество времени и она нужна ему для выживания, а не для эстетического и гастрономического удовольствия. Прилагательное «broken» в данном контексте имеет отрицательную коннотацию и погружает читателя в атмосферу отчаяния.

В изучаемых художественных произведениях XXI века экзистенциальная функция теряет свою значимость. Еда уже не является атрибутом только зажиточных слоев населения. И хотя разделение на богатых и бедных все еще есть, оно не такое яркое на данный момент. На сегодняшний день большинство людей принадлежат среднему классу и могут позволить себе наслаждаться едой и не нуждаться в ней.

6. Последняя функция кулинарного дискурса в художественном дискурсе, которую мы раскроем в этой работе – это социальная функция. В литературе кулинарный дискурс может использоваться для создания образов персонажей, которые имеют свои уникальные кулинарные предпочтения и традиции, которые могут отражать их социальный статус, класс и национальную принадлежность. Например, богатые персонажи могут предпочитать роскошные блюда и дорогие вина, в то время как бедные персонажи едят только простую пищу.

Наиболее ярко разделение на богатых и бедных проявляется в изучаемых произведениях XIX века. В романе Чарльза Диккенса «Приключения Оливера Твиста» противопоставляется бедность и богатство. Описание приемов пищи Оливера отличается монотонностью и скудностью:

«But the turnpike-man gave him a meal of bread and cheese». Но когда он попадает в дом мистера Браунлоу, его приемы пищи описываются с большим вниманием к деталям и с использованием прилагательных с положительной коннотацией: «He has just had a basin of beautiful strong broth, sir,» replied Mrs. Bedwin: drawing herself up slightly, and laying strong emphasis on the last word: to intimate that between slops, and broth well compounded, there existed no affinity or connection whatsoever». В данном контексте «beautiful» и «strong» имеют положительную коннотацию и показывают читателю как отличается жизнь Оливера в качестве беспризорника и в доме зажиточного человека мистера Браунлоу.

С помощью элементов кулинарного дискурса в романе «Большие Надежды» автор показывает читателю, что Пип живет в семье, которая не нуждается, так как работа его дяди ценится: «We were to have a superb dinner, consisting of a leg of pickled pork and greens, and a pair of roast stuffed fowls. A handsome mince-pie had been made yesterday morning (which accounted for the mincemeat not being missed), and the pudding was already on the boil». Перечислено множество блюд, которые детально описаны с использованием прилагательных с положительной коннотацией.

Что касается изученных в данной работе романов XXI века, элементы кулинарного дискурса используются скорее для создания аутентичности произведений. Перечисляется ряд блюд, характерных для британской кухни: «The meal was roast beef with mashed potato» или ‘Hmm.’ Gertrude smiled. ‘For cattle I shall substitute pudding.’ And not wanting to be seen to patronize her guests by serving them with only foreign food, she made an apple upside-down cake», где «roast beef», «pudding» и «apple upside-down cake» являются британскими блюдами.

Кроме того, в произведениях XXI века элементы кулинарного дискурса используются для описания и наименования иностранных блюд, что обусловлено процессом глобализации, активным культурным обменом: «There was a delicatessen in the market square that sold fresh parmesan, black

pasta, Greek yoghurt and organic crisps. Lily filled two bags and topped them up with lamb's lettuce and fruit».

Таким образом, в художественных произведениях XIX века социальная функция отражается в разделении общества на классы. Доступность пищи и напитков является показателем социальной принадлежности. В то время как в художественных текстах XXI века акцент, наоборот, на объединении людей и передачи аутентичности места, где происходят события.

2.4 Разработка комплекса упражнений для использования в рамках обучения иностранному языку в старшей школе на основе научного исследования

В настоящее время в лингвистике возрастает потребность изучения специфического вокабуляра, связанного с тем или иным дискурсом, в том числе с кулинарным. При изучении литературы, мало внимания уделяется лексике, имеющей отношение к кулинарии, хотя через этот аспект авторы эффективно раскрывают как личности героев, так и обстановку времени, в котором происходит действие, так как художественный дискурс тяготеет к опосредованной форме описания и передачи информации.

Раскрытие персонажей может быть реализовано с помощью описания процесса употребления пищи, ее приготовления и описания отношения к еде. Еда тесно связана с переживаниями и внутренним миром героев, что дает нам возможность ближе познакомиться с ними и проникнуться их эмоциями. Это оказывает сильное влияние на то, как воспримется нами произведение. Лишь по описанию кулинарного аспекта в произведении мы можем понять, к какому социальному классу принадлежит герой, насколько он состоятельный и пр. Также, иногда в произведениях встречаются названия национальных блюд, что может нам дать яркое представление о национальной картине мира и социокультурной среде персонажей.

Атмосфера времени, в рамках которого мы наблюдаем за героями, легко передается посредством упоминания того, какую конкретно пищу и напитки они употребляют, какие особенности сервировки блюд осуществляются и т.д. То есть кулинарный дискурс играет важную роль в воссоздании национального местного колорита.

Таким образом, при обучении иностранному языку, эффективным представляется использование аутентичных материалов. В процессе обучения, учащиеся не только познакомятся с выдающимися произведениями иностранной литературы, но и повысят свою социокультурную компетенцию, что в данный момент очень актуально так как связи между людьми разных стран становятся все крепче и успех в общении с иностранцами напрямую зависит от знания особенностей их культуры.

Учащиеся научатся понимать, какая лексика является наиболее релевантной, будут осведомлены о нынешних реалиях и реалиях прошлого страны изучаемого языка, что поможет им наиболее эффективно осуществлять диалоги в реальных ситуациях общения.

В связи с этим была разработана система упражнений, направленная на развитие языковых компетенций учащихся, а именно навыков чтения и говорения путем практической работы с упражнениями повышенной трудности. Осуществление работы с данным комплексом упражнений формирует практические навыки различных видов речевой деятельности.

Данный комплекс упражнений может быть использован в рамках темы «Food & Health» УМК О.В. Афанасьевой, И. В. Михеевой для 10 класса при обсуждении при обсуждении специфики приготовления, употребления пищи, ее разнообразия, и, связанных с этим, особенностей социальных слоев и национальной принадлежности в XIX и XXI веках.

Структура состоит из 3 этапов, включающих в себя разминку и 9 упражнений.

Тема направлена на знакомство с лексическим материалом и формирование навыков говорения. Упражнения развивают навыки чтения, акцентируются на проверке понимания и осмыслении содержания темы, а также активизации мыслительной деятельности учащихся.

Основной целью данного комплекса упражнений является развитие языковых компетенций учащихся, а именно навыков чтения и говорения путем практической работы с упражнениями повышенной трудности. Работа с данным комплексом упражнений формирует практические навыки различных видов речевой деятельности и социокультурные навыки.

Данный комплекс разработан с опорой на требования Федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования (далее ФГОС).

Согласно ФГОС, предметные результаты изучения иностранного языка ориентированы на применение знаний, умений и навыков в учебных ситуациях и реальных жизненных условиях. Данные результаты должны отражать сформированность иноязычной коммуникативной компетенции на допороговом уровне А2 в соответствии с Общеввропейскими компетенциями владения иностранным языком в совокупности ее составляющих – речевой, языковой, социокультурной, компенсаторной, учебно-познавательной.

Предметные результаты должны обеспечивать:

1) навыки говорения: знать, как вести различные виды диалога в ситуациях общения; создавать связные монологические высказывания объемом 10-12 фраз с вербальными и (или) невербальными опорами или без них в рамках тематического содержания речи; передавать главное содержание прочитанного/прослушанного текста;

2) слуховое восприятие и понимание несложных аутентичных текстов длительностью до 2 минут, которые содержат небольшое количество незнакомых слов;

3) навыки чтения: читать про себя и понимать несложные аутентичные тексты объемом 450–500 слов;

4) навыки письменной речи: заполнять анкеты, сообщать о себе основные сведения; писать сообщение личного характера объемом 100–120 слов;

5) фонетические навыки (различать на слух и адекватно произносить слова с правильным ударением и фразы с соблюдением их ритмикоинтонационных особенностей);

6) владеть правилами чтения и осмысленно читать вслух небольшие аутентичные тексты (объемом до 120 слов); пунктуационно правильно оформлять прямую речь и электронное сообщение личного характера;

7) навык понимания основных значений изученных лексических единиц (слов, словосочетаний, речевых клише); основных способов словообразования; особенностей структуры простых и сложных предложений и различных коммуникативных типов предложений изучаемого иностранного языка; признаков изученных грамматических явлений;

8) навыки употребления в устной и письменной речи не менее 1350 изученных лексических единиц, включая 500 лексических единиц, освоенных в начальной школе, и образования родственных слов с использованием аффиксации, словосложения, конверсии;

9) навыки распознавания и употребления в устной и письменной речи изученных морфологических форм и синтаксических конструкций в рамках тематического содержания в соответствии с решаемой коммуникативной задачей;

10) социокультурные знания и умения: знать/понимать речевые различия в ситуациях официального и неофициального общения в рамках тематического содержания речи и использовать лексико–грамматические

средства с учетом этих различий; иметь элементарные представления о различных вариантах изучаемого иностранного языка;

11) компенсаторные навыки: использовать при говорении переспрос; при говорении и письме – перифраз/толкование, синонимические средства, описание предмета вместо его названия; при чтении и аудировании – языковую и контекстуальную догадку;

12) учебные навыки: перерабатывать иноязычные тексты с использованием способов раскрытия значения новых слов и с определением их грамматической формы; использовать иноязычные словари и справочники; опыт практической деятельности в повседневной жизни: участвовать в учебно–исследовательской, проектной деятельности предметного и межпредметного характера с использованием иноязычных материалов и применением информационно–коммуникационных технологий; знакомить представителей других стран с культурой родной страны.

Warming-up:

What are the top 3 dishes your family eat? What do you think are the top 3 dishes people eat in the UK?

What novels that describe food and cooking do you know?

Imagine that you live in the 19th century England. What would your life be like? Describe the food you would have.

Mention the following things: who would cook, who would serve you food, the place you would eat in/at, the variety (or lack of variety) of dishes.

Is this lifestyle different from the one you have now? Why (not)?

Compare your ideas with your partner's. Are they different?

After you have answered these questions, check the following reference materials to enlarge your knowledge of food habits in England and their place in literature (таблица 1).

Таблица 1 – Reference materials

Reference materials	
Top 3 dishes people eat in the UK	XIX century food
1. The Full English Breakfast 2. Fish Fingers 3. Scones	

Первый этап. Подготовительный (отработка лексических навыков и навыков чтения)

A. Match the English words to the Russian words (таблица 2).

Таблица 2 – Задание на сопоставление

a tavern	паприка
a fork	пирог со сладкой начинкой
paprika	бобы
a mince-pie	каменная кухня
plum-pudding	вилка
beans	ростбиф
roast-beef	торт
a cake	трактир/таверна
a casserole	сливовый пуддинг
coke	коньяк
wine	кола
lettuce	кухня

Продолжение таблицы 2

a peeler	шампанское
a kitchen	вино
beer	запеканка
champagne	пиво
vegetables	рыба с жареной картошкой
a pub	овоци
a chopping board	салат-латук
meat	салат
fish and chips	мясо
a kiosk	разделочная доска
fish fingers	паб
gravy	кафе
a teaspoon	рыбные палочки
a stone kitchen	овощечистка
noodles	подливка
cognac	чайная ложка
a salad	лапша

B. Sort out the words into categories:

- a) places of eating,
- b) kitchen utensils,
- c) ingredients,
- d) drinks,
- e) dishes,
- f) traditional dishes.

The list of words:

a tavern, a fork, a knife, paprika, beans, plum-pudding, roast-beef, a cake, a casserole, coke, champagne, beer, a kitchen, a peeler, lettuce, wine, vegetables, a pub, a chopping board, meat, fish and chips, a kiosk, fish fingers, gravy, a teaspoon, a stone kitchen, noodles, cognac, a salad, a mince-pie

Work in pairs. Choose three words and explain them to your partner in English for him/her to guess the words.

C. Look at the descriptions. Match the quotes from books to the categories of people (таблица 3).

Таблица 3 – Задание на распределение

Modern people	Poor people from the past	Rich people from the past

1. I was the only one drinking alcohol, and my solitary packet of crisps sat crumpled and empty on the table. Everyone else sipped at mineral water, or checked the sweetener ratios on their Diet Cokes.

2. The man took strong sharp sudden bites, just like the dog.

3. Gertrude put the cake into the oven. The goulash had been simmering for over an hour and the liquid was starting to turn a thick and syrupy brown.

4. We made a very good meal by the kitchen fire, and then apportioned the bedrooms: Herbert and Startop were to occupy one; I and our charge the other.

5. The cloth was laid for supper; the table was covered with bread and butter, plates and glasses; a porter-pot and a wine-bottle.

6. ...and issued three meals of thin gruel a day, with an onion twice a week, and half a roll of Sundays.

7. Later I might take him a drink of water, or one of the calorie-filled drinks that were supposed to keep his weight up and looked like pastel-colored wallpaper paste, or give him his food.

8. ...for at the very moment when the child had contrived to exist upon the smallest possible portion of the weakest possible food...

9. We had a hot supper on the occasion, graced by the inevitable roast fowl, and we had some flip to finish with.

Explain your choice.

D. Determine the functions of food in the context.

Food descriptions can perform the following functions in the text:

- 1) character disclosure,
- 2) atmosphere creation,
- 3) creation of the image of the era,
- 4) reflection of hidden meanings with the help of symbolism,
- 5) existential,
- 6) social.

In the following excerpts there can be several functions presented simultaneously. Determine these functions and prove your point.

a) At the tip of the lake, where it swept under the bridge, there was a café where once, when they'd first met, they'd stopped and had a drink. They'd had a fruit juice each, gritty and warm, in glasses without ice, and when the bill had come, they'd gasped together at the price.

b) ...that if the master find, upon a short trial, that he can get enough work out of a boy without putting too much food into him, he shall have him for a term of years, to do what he likes with.

c) ...and issued three meals of thin gruel a day, with an onion twice a week, and half a roll of Sundays

d) Mum followed me out, fretting. She put a tray of glasses on the dining table, then glanced up at the clock. "Where's Patrick?"

“He was coming straight from training,” I said.

“Perhaps he’s been held up.”

“He couldn’t put it off just for your birthday? This chicken is going to be spoiled if he’s much longer.”

“Mum, it will be fine.”

e) Oliver, whose eyes had glistened at the mention of meat, and who was trembling with eagerness to devour it, replied in the negative; and a plateful of coarse broken victuals was set before him.

f) Somewhere around the point where Mum served up the roast potatoes – Dad doing his usual thing of trying to steal extras – I stopped worrying.

Второй этап. Снятие лингвистических трудностей (работа с терминологическим аппаратом и логикой построения текста)

A. Identify stylistic devices connected to food in each fragment.

Metaphor - a transference of meaning based on resemblance. Not only objects can be compared in a metaphor, but also phenomena, actions or qualities.

Personification - A subtype of allegory by which human qualities are ascribed to inanimate objects, phenomena or animals.

Hyperbole - a deliberate extreme exaggeration of the quality of the object.

1. He had a wild, hungry eye; and they implicitly believed him.
2. “I deal only with Mr. Fork. Mr. Fork does not look like a train.”
3. “They’ll all be wearing pie-crust collars and smell of horse.”
4. ...a pint of ale, and a gallon of condescension upon everybody in the village.
5. ...its lookout a lattice of white icing, its dome a blob of cream.

B. Fill in the gaps in the excerpts a-e with fragments 1-5

a) “Yup. All set and ready to go.” He turned to Will. “No snogging the bridesmaids, now.” “As if he’d want to,” I said. _____. Will’s parents came out to see him off. I suspected they had just had an argument, as Mrs. Traynor could not have stood farther away from her husband unless they had actually been in separate counties.

b) It was pretty stupid when he put it like that. But I had learned it was important not to look cowed by anything Will said or did. “I take your point,” I said evenly. “I won’t do it again.” And then, out of nowhere, Will Traynor laughed. It exploded out of him in a gasp, as if it were entirely unexpected. “For Christ’s sake.” He shook his head. I stared at him. “What the hell else have you been sneaking into my food? You’ll be telling me to open the tunnel so that Mr. Train can deliver some mushy Brussels sprouts to the red bloody station next.” I considered this for a minute. “No,” I said, straight-faced. _____.

c) Oliver Twist and his companions suffered the tortures of slow starvation for three months: at last they got so voracious and wild with hunger, that one boy, who was tall for his age, and hadn’t been used to that sort of thing (for his father had kept a small cook-shop), hinted darkly to his companions, that unless he had another basin of gruel per diem, he was afraid he might some night happen to eat the boy who slept next him, who happened to be a weakly youth of tender age. _____ A council was held; lots were cast who should walk up to the master after supper that evening, and ask for more; and it fell to Oliver Twist.

d) If she were to paint this scene she would only paint the sky, and she smiled at a sudden image of herself, sensible clothing, sandwiches, and an easel dug into the sand, Instead of watercolours she chose a photograph of the Eastonknoll lighthouse, _____.

e) After our early dinner, I strolled out alone, purposing to finish off the marshes at once, and get them done with. As I passed the church, I felt (as I had felt during service in the morning) a sublime compassion for the poor creatures who were destined to go there, Sunday after Sunday, all their lives through, and to lie obscurely at last among the low green mounds. I promised myself that I would do something for them one of these days, and formed a plan in outline for bestowing a dinner of roast-beef and plum-pudding, _____.

Describe the effect these stylistic devices create.

C. Pick out the words from the excerpts above which give you a hint about the time the action takes place in. Is it past time or modern time?

Третий этап. Творческий.

A. Describe your usual day as:

- 1) A child from a wealthy family in the past
- 2) A woman, who is a wife and a mother, from a common modern family
- 3) A child from a poor family in the past
- 4) A butler serving in a wealthy family

Include the meals you have. Keep in mind that you live in the UK.

B. Work in pairs. Act out the dialogues between:

- 1) A butler and a master discussing the meals that the master is going to have today.
- 2) Two poor children talking about food they had for the past week.
- 3) A husband and a wife discussing their shopping list.

Keep in mind that you live in the UK.

Use the following models:

- a) I prefer...
- b) I can't eat...
- c) I enjoy...

- d) I'm not a fan of...
- e) I would like...
- f) I like... / I don't like...
- g) I feel like / I don't feel like eating ...
- h) I wouldn't fancy ...

C. Work in groups. Create a menu for:

- 1) A modern restaurant in the UK
- 2) A tavern in England (past times)
- 3) An old public-house in England (past times)
- 4) A modern coffee house in the UK

Present it to your classmates. Vote for the best menu.

Критерии оценивания.

1 этап. Оценку «5» получает ученик, который понял главные факты, выделил значимую информацию, догадался о значении незнакомых слов по контексту, привёл аргументацию своей позиции. Оценку «4» получает ученик, который верно выполнил 70% упражнений 1 этапа и аргументировал свою позицию в одном из двух упражнений. Оценка «3» ставится при верном выполнении 50 % заданий 1 этапа. Оценка «2» ставится, если ученик понял менее 50 % текста и не привёл аргументацию своей позиции.

2 этап. Оценку «5» получает ученик, если он верно выполнил больше 70% заданий этапа. Оценку «4» получает ученик, который верно выполнил 70% упражнений. Оценка «3» ставится при верном выполнении 50 % заданий. Оценка «2» ставится, если ученик верно выполнил менее 50 % заданий.

3 этап. Оценку «5» получает ученик, если он справился с задачами этапа. Его речь была связной и логически последовательной. Диапазон используемых языковых средств достаточно широк. Языковые средства были употреблены верно, практически отсутствовали ошибки, которые

нарушают коммуникацию, или они были незначительны. Наблюдалась легкость речи и правильное произношение. Оценка «4» выставляется, если учащийся выстраивает ответ связно и последовательно, однако, совершает ошибки, которые нарушают коммуникацию. Оценку «3» получает ученик, если он сумел в основном решить поставленную речевую задачу, но диапазон языковых средств был ограничен, объем высказывания был меньше нормы. Ученик допускал языковые ошибки. В некоторых местах нарушалась последовательность высказывания. Оценка «2» ставится ученику, если он только частично справился с решением коммуникативной задачи. Работа не соответствовала указанным требованиям. Учащийся совершил большое количество ошибок, которые нарушают общение.

Общая оценка «3» ставится при верном выполнении двух и более этапов на «3». Общая оценка «4» ставится при верном выполнении двух и более этапов на «4» и отсутствии оценки «2». Общая оценка «5» при верном выполнении двух и более этапов на «5» и отсутствии оценок «2» или «3».

Выводы по второй главе

В ходе анализа произведений XIX века «*Oliver Twist*» и «*Great Expectations*» Чарльза Диккенса объемом 544 и 544 страницы соответственно и XXI века «*The Sea House*» Эстер Фройд объемом 288 страниц и «*Me Before You*» Джоджо Мойес объемом 480 страниц мы обнаружили ряд лингвостилистических особенностей функционирования кулинарного дискурса в художественном дискурсе. Мы выяснили, что в анализируемых художественных текстах преобладает такая часть речи, как существительное. В романах XIX и XXI веков обнаружено 289 и 267 единиц существительных соответственно. Это объясняется тем, что существительные, обозначающие еду и напитки, лучше передают относительную статичность понятий в отличие от прилагательных и глаголов. Существительные отражают названия и конкретные предметы, являются важным средством передачи образов, атмосферы, характеров

персонажей. Они также могут быть более устойчивыми и богатыми символическими значениями, чем прилагательные или глаголы.

Также элементы кулинарного дискурса в художественном дискурсе XIX и XXI веков участвуют в создании стилистических приемов и средств. В произведениях XIX века преобладает использование эпитетов (25,8%), метафор (14,8 %) и гипербол (14,1 %), тогда как в произведениях XXI века авторы уделяют большее внимание метафорам (22,4 %) и сравнениям (23,7 %). В обоих случаях метафора является одним из наиболее используемых средств выразительности, что обусловлено ее смыслообразующей функцией. Метафора служит инструментом донесения скрытых смыслов до читателя, она всегда является актуальной. Преобладание эпитетов в литературе XIX века объясняется тем, что авторы того времени больше внимания уделяли детальному описанию, жизнь тогда была более медленной. В то время как литература XXI века стремится к более высокой скорости развития событий, чтобы читатель не терял интерес. Образность произведениям XXI века придают сравнения и метафоры, которые более эффективны в передаче эмоций и ассоциаций, чем эпитеты. Сравнения могут создавать более неожиданные и оригинальные образы, которые вызывают более яркие эмоции у читателей.

Элементы кулинарного дискурса в художественном дискурсе выполняют следующие функции:

- 1) создание атмосферы произведения,
- 2) раскрытие личности персонажа,
- 3) отражение скрытых смыслов с помощью символичности,
- 4) создание образа эпохи,
- 5) экзистенциальная,
- 6) социальная.

Элементы кулинарного дискурса помогают создать атмосферу и передать эмоциональные оттенки в произведении. Для XIX века более характерна атмосфера процветания (35 %), бедности и лишений (30 %). Они

зачастую противопоставлены друг другу. Для авторов XXI века более привычным является передача атмосферы уюта и комфорта (30 %) через кулинарный дискурс.

Также важно отметить, что использование кулинарных терминов играет важную роль в раскрытии характера персонажа, его отличительных качеств. В произведениях XIX века через кулинарный дискурс ярко проявляется жадность (28,8 %) и щедрость (15,4 %), в то время как в работах XXI века лексика кулинарного дискурса отражает заботу и доброту (36,4 %) со стороны героев.

Также описания пищи и напитков могут отражать эпоху, в которой проживают герои. В литературном произведении она может быть отражена в разнообразии блюд и продуктов, мест приемов пищи и способов сервировки.

Разнообразие блюд и продуктов: в XIX веке – 21,3 %; в XXI веке – 78,7 %.

Места приема пищи: в XIX веке – 30,8 %; в XXI веке – 69,2 %.
Описание сервировки: в XIX веке – 36,4 %; в XXI веке – 63,6 %.
Данное соотношение можно объяснить тем, что кулинарная культура и традиции изменились со временем. Сегодня люди имеют доступ к большему разнообразию продуктов и кулинарных технологий, чем в прошлом. Кроме того, кулинарная культура стала более многообразной и международной, что отражается в литературе.

Также, элементы кулинарного дискурса могут представлять символическое значение. Для работы из каждого произведения было выбрано по одному символу. Каждый символ несет в себе глубокое значение и скрытый смысл. Это помогает читателю более глубоко понять художественный текст.

Социальная и экзистенциальная функция, выполняемая элементами кулинарного дискурса, раскрывает для читателя особенности образа жизни героев, их материальное состояние, отношение к пище. Наиболее ярко

экзистенциальная функция проявляется в художественных текстах XIX века так как больше людей в то время не имели возможность регулярно питаться. Социальная функция также показывает разделение общества на классы в текстах XIX века, в то время как для произведений XXI века эта функция выполняется с точки зрения объединения людей в связи с процессом глобализации и более активным обменом культурными особенностями.

Комплекс упражнений для 10 класса, основанный на проведенном исследовании, может быть использован в рамках обучения иностранному языку при изучении темы «Food & Health» УМК О.В. Афанасьевой, И. В. Михеевой или как материал для подготовки к олимпиадам по иностранному языку. Данный комплекс разработан с опорой на требования Федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования и направлен на развитие языковых компетенций учащихся, а именно навыков чтения и говорения путем практической работы с упражнениями повышенной трудности, пополнение лексического запаса учеников. Работа с данным комплексом упражнений формирует практические навыки различных видов речевой деятельности и социокультурные навыки.

В целом, использование кулинарных терминов в художественном дискурсе является мощным средством передачи атмосферы, эмоций и характеров персонажей. Они помогают читателям лучше погрузиться в мир произведения и создают дополнительные слои смысла. Использование кулинарных терминов может быть разнообразным и зависит от конкретного произведения, задачи автора и его стиля. Однако они всегда способствуют более глубокому и эмоциональному восприятию произведения. Художественные произведения XIX и XXI века могут быть использованы на уроках иностранного языка в школе для повышения социокультурных навыков учащихся, развития навыков чтения и говорения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тема нашего исследования – «Особенности функционирования кулинарного дискурса в рамках художественного дискурса». В работе были рассмотрены 4 произведения английской литературы. 2 художественных текста представляют литературу XIX века: «Oliver Twist» и «Great Expectations» Чарльза Диккенса, объемом 544 и 544 страницы соответственно. 2 художественных текста принадлежат авторам XXI века: «The Sea House» Эстер Фройд, объемом 288 страниц, и «Me Before You» Джоджо Мойес, объемом 480 страниц. В каждом произведении кулинарный дискурс был использован для передачи различных значений и идей, что подчеркивает его универсальность и многогранность.

В данной дипломной работе в процессе решения поставленных задач были изучены разные подходы к понятию «дискурс», рассмотрены виды дискурса по В.И. Карасику. Были изучены предложенные подходы к определению художественного дискурса, выделены его основные черты и особенности. Также были проанализированы различные точки зрения на кулинарный дискурс.

Описанные модели анализа дискурса в первой главе позволили самостоятельно сформировать план анализа лингвостилистических особенностей функционирования элементов кулинарного дискурса в художественном дискурсе. Наша модель основана на подходе Т.А. ван Дейка.

Методом сплошной выборки нами были отобраны примеры использования элементов кулинарного дискурса в художественных произведениях XIX и XXI веков, а именно в работах Чарльза Диккенса: «Oliver Twist» (124 единицы), «Great Expectations» (186 единиц); и в работах современных авторов: Джоджо Мойес «Me Before You» (130 единиц) и Эстер Фройд «The Sea House» (100 единиц). Мы произвели анализ лексических единиц, связанных с кулинарным дискурсом на основе

частеречной принадлежности, а также выделили наиболее представленные лексико-семантические поля. Был сделан вывод, что в художественных текстах XIX и XXI века преобладают существительные. Основными лексико-семантическими полями выступают названия блюд, названия ингредиентов для блюд, слова, указывающие на количество, глаголы сервировки и приготовления пищи, а также названия кухонных принадлежностей и принадлежностей для сервировки.

Нами также были проанализированы стилистические средства и приемы, созданные с помощью элементов кулинарного дискурса. Для рассматриваемых художественных текстов XIX века наиболее употребляемыми стилистическими средствами являются эпитеты, метафора и гипербола, в то время как для XXI века метафора и сравнение.

Был сформирован список функций, которые выполняют элементы кулинарного дискурса в художественных текстах. В работе были рассмотрены различные аспекты кулинарного дискурса, такие как его связь с социальным статусом, культурным наследием, природой и человеческими отношениями. Эти аспекты подчеркивают важность кулинарного дискурса в литературе и его способность передавать различные идеи и ценности. Наиболее ярко с помощью лексики кулинарного дискурса выполняются функции создания атмосферы и раскрытия персонажей.

Материал исследования представляет богатый практический опыт, который может использоваться в практике обучения иностранному языку в старших классах школы и на факультетах иностранных языков.

В целом, данная дипломная работа показывает, что кулинарный дискурс в литературе является мощным инструментом для передачи различных значений и идей. Он может быть использован для символизации разнообразных аспектов жизни, а также для передачи социальных, культурных, моральных и этических идей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Александрова, О. В. Проблемы экспрессивного синтаксиса. [Текст] / Ольга Александрова. – 2-е изд. – Москва : Высшая школа, 2009 – 211 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека [Текст] / Нина Арутюнова. – Москва : Языки русской культуры, 2000 – 305 с.
3. Асратян, З. Д. Дискурс художественного произведения [Текст] / Зоя Асратян // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 3 (45). – С. 30–34.
4. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика [Текст] / Ролан Барт. – пер. с фр. – Москва : Прогресс, 1989 – 610 с.
5. Бенвенист Э. Общая лингвистика [Текст] / Эмиль Бенвенист. – 2-е изд. – Москва : Прогресс, 1974 – 447 с.
6. Большой энциклопедический словарь. Языкознание [Текст] / Гл. ред. В. Н. Ярцева, 2-е изд. – Москва : Большая Российская энциклопедия, 2005. – 685 с.
7. Борботько, В. Г. Принципы формирования дискурса. От психолингвистики к лингвосинергетике [Текст] / Владимир Борботько – 3-е изд., испр. – Москва : URSS, 2009 – 286 с.
8. Борботько, В. Г. Элементы теории дискурса. [Текст] / Владимир Борботько. – 2-е изд. – Грозный : URSS, 2005 – 286 с.
9. Буркова, П.П. Кулинарный рецепт как особый тип текста [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.09.19 : *защита 12.01.2005 : утв. 15.04.2005* / Буркова Полина Павловна. – Ставрополь, 2004. – 29 с.
10. Бюиссанс, Эрик Ж. Л. Абстрактное и конкретное в лингвистических фактах: речь – дискурс – язык / Жан Луи Бюиссанс [Электронный ресурс] // inion.ru : [сайт]. – URL: <http://inion.ru/ru/publishing/zhurnaly-iz-perechnia-vak/politicheskaja-nauka/arkhiv/2016-3-politicheskaja-se>

miotika/abstraktnoe-i-konkretnoe-v-lingvisticheskikh-faktakh-rech-diskurs-iazyk/

11. Валгина, Н.С. Теория текста: учебное пособие [Текст] / Нина Валгина. – 2-е изд. – Москва : Логос, 2003 – 280 с.
12. Ван Дейк, Т. А. К определению дискурса [Текст] / Тён ван Дейк. – Москва : URSS, 2003 – 384 с.
13. Галиева, А. М. Дискурсия [Текст] : перевод как источник нового термина / Альфия Галиева // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. – 2010. – № 6. – С. 124-132.
14. Гачев, Г. Д. Национальные образы мира [Текст] / Георгий Гачев. – Москва : Прогресс, 2004 – 479 с.
15. Головницкая, Н.П. Лингвокультурные характеристики немецкоязычного гастрономического дискурса [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 : защищена 8.11.2007 : утв. 20.02.2008 / Наталья Петровна Головницкая. – Волгоград, 2007. – 23 с.
16. Дейк, Т. А. ван Язык. Познание. Коммуникация. [Текст] / Т. А. Дейк ван – Москва : Прогресс, 1989 – 312 с.
17. Демьянков, В. З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка [Текст] / Валерий Демьянков // Вопросы филологии. – 2007. – № 5. – С. 86-95.
18. Земскова, А.Ю. Лингвосемиотические характеристики англоязычного гастрономического дискурса [Текст] : автореф. дис. ... канд. филолог. наук : 10.02.04 : защищена 3.12.2009 : утв. 10.02.2010 / Земскова Анастасия Юрьевна. – Волгоград, 2009. – 23 с.
19. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи [Текст] / Оксана Иссерс. – 5-е изд. – Москва : Прогресс, 2008 – 284 с.
20. Карасик, В. И. О типах дискурса [Текст] / Владимир Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. – Волгоград : Научное издательство ВГСПУ "Перемена", 2000. – С. 5-20.

21. Карасик, В. И. Языковый круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / Владимир Карасик – Москва : ГНОЗИС, 2004 – 389 с.
22. Кацунова, Н. Н. К вопросу о «Синонимизации» дискурсов [Текст] / Наталья Кацунова // Вестник ИГЛУ, 2012. – № 2 – С. 196-201.
23. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Юрий Караулов. – 4-е изд. – Москва : УРСС, 2004 – 261 с.
24. Кенжегараев, Н. Д. Особенности дискурсивного анализа художественного текста / Ноябрь Кенжегараев // Молодой ученый. – 2012. – № 4. – С. 228-231.
25. Кибрик, А. Дискурс [Электронный ресурс] / Кибрик А. // Режим доступа: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DISKURS.html.
26. Кубрякова, Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике [Текст] / Е. С. Кубрякова // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты. – Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2000. – С. 5-13.
27. Кубрякова, Е. С. Язык и знание [Текст] / Елена Кубрякова. – Москва : Языки славянской культуры, 2004 – 555 с.
28. Манерко, Л. А. Наука о языке: парадигмы лингвистического знания [Текст] / Лариса Манерко. – Рязань : РГУ им. С.А. Есенина, 2006 – 216 с.
29. Мартине, А. Основы общей лингвистики [Текст] / Андре Мартине – 2-е изд. – Москва : УРСС, 2004 – 221 с.
30. Маслова, В. А. Лингвокультурология [Текст] : учеб. Пособие для студентов вузов / Валентина Маслова. – 2-е изд.. – Москва : Academia, 2004 – 202 с.
31. Олянич, А. В. Презентационная теория дискурса [Текст] / Андрей Олянич. – Москва : ГНОЗИС, 2007 – 407 с.

32. Плеханова, Т.Ф, Текст как диалог [Текст] / Татьяна Плеханова. – Минск : МГЛУ, 2002 – 253 с.
33. Попов, А. Ю. Формы экономических текстов и дискурсов [Текст] / Алексей Попов // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса. – Санкт-Петербург : СПбГУЭФ, 2001. – С. 98-105.
34. Почепцов, Г. Г. Прагматические особенности текста [Текст] / Георгий Почепцов // Прагматическая интерпретация и планирование дискурса. – Пятигорск : Издательство Пятигорского пед. ин-та ин. яз, 1991. – С. 12-33.
35. Седых, А. П. Глуттонимия и национальный характер русских и британцев [Текст] / А. П. Седых, А. М. Амапов, Л. Р. Ермакова; Белгородский гос. нац. исследовательский ун-т. – Белгород : Белгород, 2013. – 228 с.
36. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов [Текст] / Геннадий Слышкин. – Москва : Academia, 2000 – 140 с.
37. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики [Текст]/ Ред. Ш. Балли и А. Сеше; пер. с франц. А. Сухотина / Екатеринбург : УрГУ, 1999 – 432 с.
38. Сусов, И.П. Введение в языкознание [Текст] : учеб. для студ. лингвист. м филол. спец. / Иван Сусов. – Москва : АСТ : Восток-Запад, 2007. – 397 с.
39. Ундрицова, М. В. Глуттонический дискурс [Текст] : лингвокультурологические, когнитивно-прагматические и переводческие аспекты (на материале русского, английского, французского и греческого языков) : дис. ... канд. филолог. наук : 10.02.20 : защищена 15.06.2015 : утв. 20.08.2015 / Мария Владимировна Ундрицова. – Москва, 2015. – 290 с.
40. ФГОС СОО [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://fgos.ru/fgos/fgos-soo/>
41. Федорова, К. М. Текстологические особенности понятия «рецепт» [Текст] / К.М. Федорова, Е.С. Руфова // Наука, образование и культура. – 2016. – № 10 (13). – С. 14-20.

42. Фуко, М. Археология знания [Текст] / Мишель Фуко. – 2-е изд. испр. – Санкт-Петербург : Гуманитарная академия, 2012 – 415 с.
43. Харрис, З. С. Совместная встречаемость и трансформация в языковой структуре [Текст] / З.С. Харрис // Новое в лингвистике. – Москва, 1965. – С. 120-168.
44. Хомский, Н. Синтаксические структуры [Текст] / Ноам Хомский // Новое в лингвистике. – Москва, 1965. – С. 215-286.
45. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста [Текст] : поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность / Валерия Чернявская. – Москва : ФЛИНТА, 2013 – 201 с.
46. Якобсон, Р. О. Лингвистика и поэтика [Текст] / Роман Якобсон. – Москва : Прогресс, 1975 – 230 с.
47. Brown, G. Discourse Analysis [Текст] / G. Brown, G. Yule – Cambridge : Press Syndicate of the University of Cambridge, 1983 – 272 p.
48. Dickens, C. Great Expectations / Dickens C. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.gutenberg.org/files/1400/1400-h/1400-h.htm>
49. Dickens, C. Oliver Twist / Dickens C. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.gutenberg.org/files/730/730-h/730-h.htm#chap08>
50. Freud, E. The Sea House / Freud E. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://readonlinefree.net/read-online-the-sea-house-full>
51. Harris, Z. Discourse Analysis / Harris Z. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/409987>
52. Moyes, J. Me Before You / Moyes J. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://yes-pdf.com/book/1114/read>
53. Pecheux, M. Automatic Discourse Analysis / Pecheux M. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://pdfslide.net/documents/michel-pecheux-automatic-discourse-analysis.html?page=12>
54. Philip, M. The return of grand theory in the human sciences / Philip M., Foucault M. [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://archive.org/details/returnofgrandthe0000unse_11o7/page/n5/mode/2up

55. Schiffrin, D. Approaches to Discourse / Schiffrin D. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://archive.org/details/approachmentodisc0000schi/page/n3/mode/2up>

56. Tannen, D. Gender and Discourse [Текст] / Deborah Tannen. – Oxford : Oxford University Press, 2005 – 203 с.

57. Wodak, R. Language, Power, and Ideology [Текст] / Ruth Wodak. – Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 1989 – 308 с.